

ALAIN BADIOU
CIRCONSTANCES 4
De Quoi Sarkozy Est-il Le Nom?
Lignes 2007
АЛЕН БАДЬЮ

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, 4
Что именуется имя Саркози?
Перевод с французского С. Л. Фокина
Академия исследования культуры 2008
ББК 66.1 Б15

Б15 Бадью Ален. *Обстоятельства, 4: Что именуется имя Саркози?* / Сост., пер. с франц. и примеч. С. Л. Фокина. — СПб.: Академия исследования культуры, 2008. — С. 192.

ISBN 978-5-903931-05-7

Увиденная Аленом Бадью истина современного политического положения Франции и Европы есть истина страха и войны, государ-ственного террора и абсурда современной демократии в целом и всеобщего избирательного права в частности.

«Обстоятельства, 4» — это манифест внутренней свободы и решимости действовать в ситуации дезориентации и коллективного аффекта, страха и страха перед страхом, которая именуется именем Николя Саркози, чье избрание президентом, по мнению автора, «остаётся знаменем нового времени» и «ударом по символической структуре французской политической жизни».

ISBN 978-5-903931-05-7

© С. Л. Фокин, составление, перевод с французского и примечания, 2008

© Nouvelles Éditions Lignes, 2007

© Академия исследования культуры, 2008

ДО ВЫБОРОВ¹

Итак, мы в самом разгаре избирательной кампании по выборам Президента. Можно ли про-молчать? Трудно... То, что философия противится содержанию мнений, не значит, что она может игнорировать существование мнений, тем более если власть мнений становится, как у нас в по-следние недели, буквально необузданной.

Я уже высказывался по поводу голосования в «Обстоятельствах, 1», говоря об избирательной кампании 2002 г. (см. Приложение. — *Примеч. переводчика.*) Подчеркивал, сколь мало должно

¹ В этом разделе развиваются те положения, которые я представил на своем ежемесячном семинаре в Эколь Нормаль Сьюперьер, организованном в рамках деятельности Международного центра по изучению современной французской философии. Заседание проходило 4 апреля 2007 г. (Здесь и далее — примеч. автора.)

5

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

доверять этой иррациональной процедуре, анализировал по свежим следам губительные по-следствия парламентского фетишизма, который заменяет нам «демократию». При таких обстоя-тельствах, говорил я, не стоит недооценивать роль коллективных аффектов, всецело срежиссирован-ных государством, транслируемых всей совокуп-ностью его органов, которую Луи Альтюссер¹ точно определял как «государственный идеоло-гический аппарат»: партии, разумеется, по также основные ведомства, профсоюзы, всевозможные средства массовой информации. Последние, главным образом, разумеется, телевидение, но также, не столь очевидным образом, печатная пресса, предстают умопомрачительными по своей мощи проводниками безумия и неведения. Собственно говоря, их функция как раз в том, чтобы распространять господствующие аффекты. Отнюдь не последнюю роль они сыграли в пресловутом «психозе Ле Пена», в силу которого — после того, как престарелый петенист, эта старая кляча, вытащенная на свет божий из рассыпающейся в хлам конюшни, прошел первый тур, — массы объятых ужасом лицеистов и вполне себе рассудительных интеллектуалов бросились в объятия Ширака, о чем последний, тоже, впрочем, в политическом плане не первой свежести, даже мечтать не мог. Роковой итог этого безумия мы заполучили теперь, пять лет спустя, когда во гла-ве кавалькады оказался Николя Саркози, чья

6

I. ДО ВЫБОРОВ

кандидатура поддержана социалистической партией и какой-то там расплывчатой буржуазией, логика мысли которой, если таковая существует, остается тайной за семью печатями.

Создается впечатление, что на сей раз коллективный аффект, который выдвигает на первый план этакого счетовода, битком набитого своими причудами, мэра заштатного городка, где сосредоточены унаследованные богатства, к тому же явно не обремененного образованием, можно назвать, вспомнив Французскую революцию, «великим страхом».

Действительно, в выборах, к которым нас призывает государство, переплетаются два вида страха.

Прежде всего, есть страх, который я назвал бы сущностным: он характеризует субъективную ситуацию тех людей, которые, принадлежа к господствующим и привилегированным кругам, чувствуют, что привилегии эти относительно, что они находятся под угрозой, что господство их будет, возможно, недолговечным, что оно уже шатается. Во Франции, державе среднего порядка, чье будущее никак не может быть славным — если только не будет изобретена такая политика, что вытянет страну из ничтожества и превратит ее в образец освобождения планетарного масштаба, — отрицательный аффект отличается особенной силой и особенным убожеством. Он выражается в страхе перед иностранцами, рабочими,

7

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

народом, молодежью из пригородов, мусульманами, приехавшими из Африки чернокожими... Этот страх, будучи консервативного и сумеречного характера, порождает в людях желание иметь господина, который будет вас защищать, пусть даже при этом угнетение и обеднение будут только усугубляться. Сегодня нам известны черты этого

господина: Сарко, неумный полисмен, который неразборчив в средствах и хорошо знает, что секрет политики в умелом использовании медиа, финансов, а также дружков и закулисных махинаций. В лице этого «ну-очень-маленького-Наполеона» государство окончательно принимает тот прямолинейный вид, в котором Жан Жене представлял его в пьесе «Балкон» в образе Шефа Полиции, который мечтает «показаться в форме гигантского фаллоса, размером в человеческий рост». Так что нет никакого парадокса в том, что Саркози, мелкий персонаж, что напрямую соотносится с самым низким рейтингом, возвысился до такой глубокой мысли, что педофилия — это генетический дефект, а сам он-де прирожденный гетеросексуал. Какой еще нужен символ всем этим бессознательным страхам, затхлостью которых несет от показной политики, как не эта педофилия: вот уже несколько лет в нашем по-настоящему порнографическом обществе она и так символизировала, достигнув кульминационной точки в процессе в Утро, те самые погребенные страхи, о которых в противном случае и речи бы

I. ДО ВЫБОРОВ

не было? И кто как не наш железобетонный гете-росексуал может притязать на роль господина, способного разом покончить и с этой педофилией — в равной мере проклятой и абстрактной, — и со всеми странностями и иностранцами? Гламур-ная политика не в моем вкусе, но я связал бы иные из своих надежд с престранной супругой кандидата, этой Сесилией, от которой вполне можно ждать, что она прольет неожиданный свет по части генетических притязаний своего супруга.

В электоральном плане примитивному страху не противостоит какая-то другая позитивная программа, которая была бы в принципе чужда всем вариациям на полицейские темы, что как раз и требовалось бы. Нет, речь идет всего-навсего о другом страхе — том страхе, который вызывается первым страхом из-за того, что он взывает к определенному типу господина, неумному полисмену: наш мелкий буржуа-социалист его не понимает и не испытывает к нему никаких симпатий. Это страх вторичный, производный, содержание которого, впрочем, остается неясным, если, конечно, не принимать во внимание упомянутого аффекта. В общей своей массе и сторонники «Союза народного движения», и социалисты не могут видеть ничего хорошего в широкомасштабных последствиях политики разнузданного капитализма. Никто не станет утверждать, что существует один единственный мир, который — вопреки внутреннему и внешнему разделению — распростра-

9

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

няется глобализованным капитализмом. И примечательно, что социалистическая партия не предлагает никакого союза с гонимыми, с обитателями «другого» мира. Зато собирается прибрать к рукам сомнительные прибыли от страха перед страхом.

По правде говоря, для обоих электоральных лагерей никакого единого мира и не существует. В отношении таких политических проблем, как Палестина, Иран, Афганистан (где задействованы французские войска), Ливан (то же самое), Африка (где наблюдается наша оживленная милитаристская жестикуляция), царит полный консенсус: никому и в голову не придет открыть публичные дебаты по тому или иному вопросу мира или войны. Как никто не станет всерьез оспаривать принимавшиеся в последнее время буквально день за днем преступные законы, что направлены против нелегальных рабочих, молодежи из пригородов или неплатежеспособных больных. Поскольку наш страх — это страх перед страхом, мы должны понимать, что по-настоящему важными являются вопросы типа: «Кого надо больше бояться — дворника-тамула или полицейского, что не дает ему жизни?». Или: «Что опаснее: планетарное потепление или наплыв малийских домработниц?». Словом, электоральный цирк.

Субъективным показателем этой вездесущей аффективной негативности является распад электорального субъекта. Все это дает основание ду-

10

I. ДО ВЫБОРОВ

мать, что явка будет высокой, ведь доходит до того, что друзья тех, кто, как например я, твердо намерен не откликнуться на насквозь лживый призыв государства голосовать, стараются запугать окружающих. То есть голосование приобретает такую форму, от которой веет комплексом сверх-я. И тем не менее, опросы свидетельствуют о нерешительности, сохраняющейся в массах до последних минут. Это значит, что массивная и практически обязательная явка не предопределена никакими убеждениями, если не считать аффектов. В общем нелегкая это работа — сделать выбор между страхом и страхом перед страхом.

Предположим, что политика остается тем начинанием, которым, как я думаю, она призвана быть и которое можно подытожить в следующей формулировке: «организованное коллективное действие, которое отвечает ряду принципов и призвано развить в реальности следствия некоей новой возможности, вытесненной господствующим положением вещей». Тогда приходится констатировать, что голосование, к которому нас призывают, является по существу аполитичным деянием. И действительно: оно подчинено беспринципности аффекта. Откуда и расхождение между формальным императивом и нерешительными колебаниями всевозможных положительных убеждений. Проголосовать — это хорошо, ибо тем самым я придаю какому-то форму своим страхам, но трудно будет поверить, что хорошо *то*,

11

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

за что я голосую. В этом голосовании из строя выходит сама реальность.

Коль скоро речь зашла о реальности, то можно сказать, что вторичный страх, который можно назвать «страхом оппозиционным», от нее удален даже в большей мере, чем страх первичный, который мы будем называть «реакционным». Ибо в реакции люди реагируют, в том числе посредством терроризма, доносов и просто преступлений, на какую-то действительную ситуацию. Тогда как оппозиция только и делает, что боится усиления реакции, отступая на лишнюю пядь от того, что действительно существует.

В этих выборах смутно выкристаллизовывается то, что негативность левых сил, или оппозиции, отличается воистину неслыханной слабостью: левые не различают ясно, где реальность, а где то, к чему они находятся в оппозиции. Ибо реальность, которой они, эти левые силы, держатся, соблюдая приличную дистанцию, есть не что иное, как порождение первичного страха, того самого страха, опасные следствия которого и составляют содержание оппозиции.

Скинув бремя реальности или, по меньшей мере, переложив его на плечи предполагаемого противника, люди, движимые вторичным страхом, страхом социалистическим, только и могут, что держаться какой-то расплывчатости, недостоверности, какой-то волнительной прозаичности, которая не рифмуется с реальностью мира.

12

I. ДО ВЫБОРОВ

Да, это она — наша Сего лен Руаяль. Это такая фантазматическая конструкция, в которой говорит отсутствие всякой реальности. Воплощение вторичного страха в форме пустопорожней экзальтированности. Чистое ничто как субъективный полюс всех страхов, срежиссированных электоральным ритуалом.

Предложим одну теорему: вся цепочка страхов ведет к ничто, голосование за которое является действием. Если это действие, как я утверждаю, не политическое, какова его природа? Так вот, судя по всему, это действие является государственным. И только предположив, что политика и государство тождественны, мы можем представить голосование в виде политической процедуры².

Я только что упоминал о расщеплении, распаде электората: голосование является массовым и переживается как императив, тогда как политическая или идеологическая

убежденность явля-

² Вот уже три десятилетия Сильвен Лазарус выводит следствия из своей самой мощной аксиомы: политику эмансипации (которую он из технических соображений именуется «политикой интериорности») можно мыслить не иначе, как исходя из четкого разделения политики и государства. Что ведет — в самом политическом процессе — к тому, чтобы организовываться, мыслить и действовать, все время держась на расстоянии от государства. Разумеется, что по всем этим вопросам необходимо обратиться к его основной работе: *Lazarus S. Anthropologie du nom. Paris: Le seuil, 1996.*

13

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

ется чем-то весьма зыбким, а то и вообще несуществующим. Такого рода расщепление весьма интересно и позитивно в том смысле, что в нем — на бессознательном уровне — обнаруживается расстояние, что разделяет политику и государство. В занимающем нас случае, за неимением всякой реальной политики, мы наблюдаем своего рода инкорпорацию, в ходе которой к государству присоединяются страхи как субстрат собственной независимости. Страх признает государство действительным. Электоральное действие инкорпорирует к государству страх и страх перед страхом: таким образом, массовый элемент субъективности признает законную силу государства. Скажем так: весьма вероятно, что после этих выборов Саркози станет легитимным главой государства, нагрев руки на страхе сограждан. Тогда он и заполучит свободу действия: если в государство инвестирован страх, оно может свободно страх сеять.

Высшая фаза диалектики — это переход страха в террор. Государство, легитимность которого основана на страхе, потенциально правомочно стать террористическим.

Существует ли сегодня терроризм? Терроризм демократический? Пока что ползучий: государственному терроризму нужно найти демократические формы, соответствующие последнему слову техники: радары, фотографии, контролирование Интернета, систематическое прослушивание всех

14

I. ДО ВЫБОРОВ

телефонов, картография всех перемещений... На нашем горизонте — виртуальный государственный террор, главным механизмом которого является надзор, все больше и больше подкрепляющийся доносительством.

Следует ли в таком случае говорить, как наши друзья-делезианцы, об «обществе контроля», существенно отличающемся от «общества суверенности»?¹ Не думаю. При первом более или менее серьезном повороте обстоятельств контроль незамедлительно превратится в чистый обыкновенный государственный терроризм. Ведь уже отправляют подозрительных на пытки в менее щепетильные «дружественные» страны. А в скором времени начнут пытать на дому. У страха никогда не было иного будущего, кроме террора в самом общепринятом смысле этого слова.

Откроем скобку. Философ, когда он хорошо делает свою работу, знает лучше чем кто бы то ни было: мир людей — индивиды и общество — всегда не так нов, как это воображают себе его обитатели. Даже техника, которую хотят обратить высшим смыслом и — сиятельной или катастрофической — новизной нашего становления, всегда остается на службе наидревнейших процедур. С этой точки зрения самый убежденный «модернист», который видит прогресс повсюду, где капитализм располагает свои машины, и полу-«фанатик-эколог», что цепляется — наперекор фактичности производства — за фантазм все-

15

л

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

благой природы, — находятся во власти одинаковой благоглупости.

Вернемся к нашим страхам. Откуда взялось это боязливое напряжение, обещающее нам целую серию завинчивания гаек со стороны государства? Все дело в том, что истина нашей ситуации определяется войной. Сам Буш, а его слова следует воспринимать буквально вместо того, чтобы подтрунивать над глупостью американского президента, сообщил об этом: «очень долгая война», война против терроризма — таков горизонт нашего существования. Вот почему западные страны все больше задействованы на разных фронтах. Воинственно уже удержание существующего порядка, ибо порядок этот патологичен по своей сути. Умопомрачающие диспропорции, дуализм миров — бедного и богатого — удерживаются не чем иным, как силой. Война — вот мировой горизонт демократии. Людей стараются убедить в том, что война идет где-то там, что, ведя войну, их просто защищают. Однако войну невозможно локализовать, ее нелегко удержать в каком-то определенном пространстве. Западу угодно наложить запрет на проявление — где бы то ни было — того, что ему действительно внушает страх: инородного его господству полюса силы, «государств-разбойников»¹⁴, как выражается Буш, у которых есть средства помериться силами с торжествующими демократиями, которые ни коим образом не разделяют западного мировидения и

16

I. ДО ВЫБОРОВ

отнюдь не торопятся усесты с нами за стол, чтобы вкусить изысканных яств глобального рынка и подивиться умению воевать числом электората. Западу не победить, он только и может, что отсрочить это пришествие с помощью внешних, псевдолокальных войн и все более дикого внутреннего терроризма. Ведь разбойников, увы, полным-полно и внутри западных государств! Это их один министр-социалист назвал «дикарятами», а Саркози попросту «сволочью». Возможный, грядущий союз внешних «государств-разбойников» и этой внутренней «сволочи» — вот чем можно напугать! Вот политический облик Великого Страх!

Ключевой момент в том, что существует своего рода диалектика страха и войны. Мы воюем за пределами страны, говорят наши правители, чтобы защитить себя от войны внутренней. Террористов упорно ищут в Афганистане или в Чечне: в противном случае они, уверяют нас, массами просочатся к нам и организуют всю эту «сволочь», всех этих «дикарят». И лепят из чего ни попадя страх, внушая его благомыслящим гражданам привилегированных государств, — страх перед войной, войной внутренней и внешней, ведь война эта одновременно и здесь (правда, далеко) и не здесь (не у нас): так завязывается проблемный узел локального и глобального.

Не следует упускать из виду, что во Франции этот вопрос имеет особенную историю. Такого рода союз страха и войны имеет у нас историче-

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

ское имя: «петенизм». Основная идея петенизма, моментально завладевшая умами масс в период 1940-1944 гг., была в том, что после невзгод «странной войны» только маршал Петен может защитить французов от самых губительных проявлений мировой войны. Только он может сделать так, чтобы французы остались в стороне. Страх, порожденный войной 1914-1918 гг., породил тот страх, что был необходим петенизму. Это Петен сказал: надо бояться не столько поражения, сколько войны. Надо жить или выживать, а не фанфарониться. И в основной своей массе французы приняли то относительное спокойствие, которое обеспечило им поражение, с которым они в основной своей массе согласились. И нам не следует скрывать от себя, что петенизм отчасти преуспел: в сравнении с русскими или даже англичанами, французы довольно спокойно пережили войну. Заметим только, что нынешний аналогичный «петенизм» заключается в следующем: нас убеждают, что французы должны принять законы мирового порядка, модель янки, угодливость перед властью имущими, господство богатых, тяжкий труд бедных, повсеместный надзор, систематическую подозрительность в отношении

понаехавших иностранцев, — тогда все будет хорошо. Программа Саркози: работа, семья, родина. Работа: хотите больше зарабатывать, берите больше сверхурочных. Семья: упразднение права наследования, сохранение унаследованных со-

18

I. ДО ВЫБОРОВ

стояний. Родина: хотя ничто, кроме жалких страхов, не выделяет Францию, чтобы ею действительно восхищались толпы, Франция превосходна, нужно гордиться, что ты француз. Во всяком случае «настоящий француз» (Саркози?) много выше «настоящего африканца» (кто такой?).

Беда в том, что все эти максимы недалеко от моральных причитаний Сеголен Руаяль.

Невзирая на все электоральные перипетии императив должен быть в следующем: делать все, чтобы аналогичный петенизм не стал общей логикой нашей ситуации. В лице Саркози, как и в лице его соперницы, мы сталкиваемся с опасностью нео-петенизма. Именно петенизма, а не фашизма, каковой является утверждающей силой. В петенизме присутствуют все субъективные гнусности фашизма (страх, доноительство, презрение к другим), но в нем нет жизненного порыва. Чтобы предотвратить эту опасность нам следует развивать, насколько это возможно, *союз бесстрашных*.

Мао Цзедун говорил: «Мы не любим войну, но мы ее не боимся». Сегодня смелость это главная добродетель. Нужно иметь смелость освободиться от первичного страха, как и от страха перед этим страхом. Тот же Мао говорил: «Отбросьте иллюзии и готовьтесь к борьбе». Какова сегодня главная иллюзия? Именно ее питают сегодня левые вообще, Сеголен Руаяль в частности: можно довериться страху (перед страхом), и тогда можно избежать обратных последствий страха

19

Ален Бадью. **Обстоятельства, 4**

(неуемного полисмена, которому и карты в руки). Но нет! Вы получите *и* страх, *и* полисмена!

Отбросить иллюзии — это значит переориентироваться. Это значит, что можно выстраивать направление мысли и существования, не принимая во внимание аффекты. Выборы вообще и, в частности, те, которые нам сегодня предложены, это такая государственная машина, *задача которой в повальной дезориентации масс* — в том, чтобы и не было никакого другого выбора, кроме дезориентации. Это другой смысл того расщепления, о котором говорилось выше: дезориентированное сознание, которое не знает на какого святого, на какого Петена положиться, но зато твердо знает, что выборы превыше всего. Вот и будет голосовать за того или другого кандидата, которые все на одно лицо и которым большего счастья даже не грезилось. Сознание и на самом деле дезориентировано, что обнаруживается на очередных выборах, когда этот же избиратель идет голосовать за другого кандидата: просто так, чтобы посмотреть, что получится. А государство и подпевающая ему пресса, комментируя результаты выборов, выставляют эту полную дезориентацию как выбор, как торжественное закрепление определенной ориентации, развязывая себе таким образом руки. Правительство, которому без разницы, что его членов чуть ли не вытягивают по жребию, провозглашает, что, получив через выборы мандат доверия граждан, оно будет действовать во имя этого вы-

I. ДО ВЫБОРОВ

бора. То есть выборы порождают такую необычную иллюзию, в силу которой всеобщая дезориентация проходит через иллюзорный фильтр выбора. «Французы решили, что...», — поет на все голоса благомыслящая пресса. Да ничего они не решили, к тому же нет никаких «французов» вообще, такой коллективной общности. Почему треклятый 51% французов говорит за всех «французов»? Не повторяет ли постоянно История, как, например, в самую тяжкую пору немецкой оккупации, что «французы» — это, скорее, горстка участников Сопrotивления, что это меньшинство, что их, этих «французов» — по

меньшей мере, в течение первых двух лет Оккупации — раз, два и обчелся. Все прочие — в основной своей массе — нетенисты, что значит, если принять условия существования Франции в то время, вовсе не «французы», а угодливые, боязливые прислужники нацистской Германии. В этом сказывается характерная черта Франции: когда встает вопрос о самом ее существовании, основу его удерживает — на густом фоне всеобщей реакции и страха — вызывающее восхищение меньшинство, которое сильно не числом, но деятельностью, активностью. Страна наша всегда существовала и будет существовать — какие бы формы ни принимало в будущем это существование — только силой тех, кто не приемлет униженности, которую повсеместно насаждает логика сохранения привилегий или просто «реалистическое» приравнивание к законам мирового

21

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

порядка. Выбор всегда за ними, и, конечно же, его не сделать на выборах.

Отбросить иллюзии — это значит категорически отрицать, что выборы являются действием, выражающим подлинный выбор. Это значит называть вещи своими именами: то есть «выборы» это имя организованной дезориентации, развязывающей руки государственному персоналу. Вся проблема, следовательно, в том, чтобы утвердительно отбросить эту иллюзию, а это значит обрести в чем-то другом принцип мысли и существования. Чтобы добиться этого, чтобы иллюзия именовалась иллюзией и чтобы с ней распрощаться — что среди прочего означает: ничего не ждать от голосования, — нам надлежит, если подытожить наш анализ, сконструировать узловое соединение из пяти понятий:

1. Реальность мира: ситуация и как подобрать ей имя. На сегодня, с моей точки зрения, это имя «война» — внешняя (военная интервенция) и внутренняя (война с собственным народом), с бедными и/или пришлыми, война под прикрытием «антитеррористической операции» — такова реальность современного мира.

2. Максима, на которой выстраивается ориентация в ситуации. Принцип, который, касаясь, как всякий истинный принцип, существования вообще, отделяет нас от господства и открывает поле возможностей, гласит: есть только один мир. Мы это покажем дальше.

1. ДО ВЫБОРОВ

3. Структура иллюзии, будущее этой иллюзии. Иллюзия в том, что мы не видим, что это государство выстраивает обманчивую видимость политического выбора, пользуясь для этого податливым материалом всеобщей дезориентации. Голосование — не более, чем процедура выстраивания видимости, которая на сегодняшний день представляет собой конфигурацию аффектов страха. В сущности голосование есть не что иное, как фиктивная фигура выбора, вылепленная из податливого материала всеобщей дезориентации.

4. Ориентация, направление мысли и существование. Оно определяется на расстоянии от государства, то есть вне процедуры выборов. Оно подразумевает включение в процесс истины, особенно на стороне политической организации прямого действия тех, кто, прямо здесь, выводится вовне (ложного) единого мира, выдворяется в «другой» мир. В самом сердце этого изгнанного из мира богачей пролетариата находятся иностранные рабочие. В сердце этого сердца — нелегалы.

5. Становление субъектом имеет место только как результат включения в процесс истины, ориентированности мысли. Человеческий индивид — животное, которое, прикармливая товаром, выдрессировали блюсти только свои непосредственные интересы, — делает себя составной частью корпуса истины и тем самым преодолевает собственную субъективность. Поскольку на нашем горизонте война, поскольку нашей доморощешою

23

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

иллюзией является петенизм (остаться в стороне от мировых потрясений, а за

ценой не постоим: можем отдать евреев на бойню, передать африканцев в руки полиции, повыгонять детей из школ...), утверждать, что «есть только один мир», значит иметь смелость лишиться себя крова, только тогда максима возьмает действие.

Как распознать того, кто преодолевает свою так называемую «свободную индивидуальность», то есть стереотип, в котором растворяется человек (что может быть более однотонным, более од-ноформенным, чем эти «свободные» индивиды рыночного социума, цивилизованные мелкие буржуа, которые, как попугаи, повторяют на всех углах свои смехотворные наваждения)? Как распознать его скромную твердость в трансиндивидуальном процессе истины? Становление субъектом сказывается, например, в убеждении, что собрание, на котором решается какая-то определенная проблема, определяется срок для ее решения, наперекор всем проволочкам государства, на котором собираются вместе четверо африканцев из одного дома, студент, китаец с текстильной мануфактуры, почтовый работник, две домохозяйки и пара-тройка местных бедолаг, бесконечно важнее, чем весь этот церемониал, в ходе которого вы бросаете бумажку с именем безликого политика в урну для подсчета голосов.

24

II

ПОСЛЕ ВЫБОРОВ³

Для чего мы собрались здесь сегодня вечером, если не для того, чтобы обсудить коронавание нашего нового президента? И тогда, глядя на тех, кем движет хоть толика настоящей мысли, хоть какое-нибудь убеждение или обрывки исторического знания, я не могу отделаться от впечатления, что поле того, как Саркози одержал верх без сучка и задоринки, передо мной вырисовывается слегка депрессивная субъективность. Я рассчитываю, и этот расчет оправдывается уже тем, что вы здесь присутствуете, что вы принадлежите к той категории людей, о которой я говорю, — к категории тех, кого организованная капиталом и его прислужниками дезориентация переполняет

³ В этом разделе задействованы материалы семинара (см. примеч. 1), проходившего 16 мая 2007 г.

25

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

не удовлетворением, но скорбью. Мне кажется, что, несмотря на всю мою настойчивую пропаганду, в которой я призывал вас хранить стоическое безразличие под градусом голосования, вы словно бы пережили удар. Удар, разумеется, ожидаемый, но все равно довольно сильный.

Мне хотелось бы начать с анализа этого чувства, которое вас тяготит и которое заключается в том, что, к несчастью, что-то такое произошло и это «что-то» вас совсем не радует.

Между нами: люди выбирают себе президента, но для людей опыта, к которым мы с вами принадлежим, это вовсе не означает, что что-то происходит. Я уже много говорил про голосование, вы уже знаете, что если что-то и произошло, то этого не обнаружить в регистре обыкновенной электоральной передачи власти. Что приводит меня к первому размышлению о понятии того, что это значит — чувствовать себя так, будто ты пережил удар, будто тебя ударили, в силу чего ты идешь словно на ощупь, вслепую, несколько неуверенно, в общем, в состоянии легкой депрессии. Да, дорогие мои, до меня доносится душок депрессии. Так вот, я полагаю, что сам по себе Саркози не мог бы вогнать вас в депрессию, куда ему! То есть, вас угнетает то, что именуется именем Саркози. Вот на чем стоит остановиться: наступление того, именем чего является Саркози, вы и ощущаете как удар, который наносит вам «эта вещь», вещь, по всей видимости, прегнусная, мел-

II. ПОСЛЕ ВЫБОРОВ

кой сошкой которой и выступает наш мелкий Саркози.

Часто говорят, что самые страшные удары — те, что меньше всего ожидаешь, несчастные случаи, загадочные самоубийства... Но есть что-то чрезвычайно тягостное и в

ударах ожидаемых. Знаете, когда говоришь себе: вот, если я это сделаю, то вот тот, насколько я его знаю, точно сделает то-то и то-то. Часто очень неприятно, что он действительно это делает. Хотелось бы, чтобы он обманул наши худшие ожидания, чтобы хоть раз поступил так, как никто не ожидал. Но нет. Это голосование, главным результатом которого стало то, что весьма прегнусная вещь была поименована и внесена в повестку дня, отличается структурой ожидаемого удара. Вопреки тому, что часто происходит, выиграл тот, что с самого начала предвыборной гонки во всех опросах имел самый высокий рейтинг. Это как на бегах, когда лошадь-фаворит с самого начала вырывается вперед, весь забег идет впереди и выигрывает. Ничего интересного, даже как-то грустно. Кто любит пари, риск, какой-то разрыв, исключительность, предпочел бы, чтобы победил какой-нибудь сивый мерин. Но на сей раз мерин, точнее, нестарая кляча заслуженно проиграла. А мы все, все, кто прекрасно знал, что ставил просто на клячу, что убеждения у той клячи были весьма подозрительными, как, впрочем, и расплывчатыми, подавлены. Теперь задайтесь вопросом: какова же в точности

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

природа удара, абсолютно предсказуемого, который вы пережили.

В прошлый раз, еще до этой победы числом, я анализировал электоральный контекст, сказав, что ситуация определяется через конфликт между двумя страхами — страхом первичным и страхом производным. Примитивный страх владел той частью населения, которая опасалась и опасается, что произойдет нечто такое, что приведет ее к упадку. Этот первобытный страх вымещается на традиционных козлах отпущения — иностранцы, бедняки, дальние страны, на которые нам ох как не хочется походить. Долгое время страх этот сосредотачивался в старом дискурсе Ле Пена и Национального фронта, который был его эмблемой, символом в жалком, впрочем, стиле — стиле реваншистов от петенизма. Кроме того, есть еще вторичный страх, страх перед тем, другим страхом, страх перед тем, что возникнет как результат первичного страха. Конфликт между двумя страхами был скреплен печатью победы страха примитивного, в чем, в общем, есть своя логика. Если даже все равно придется испытать страх, то это будет страх перед чем-то другим, а не перед страхом. Первобытный страх одержал верх — вот первая составляющая нашего удара. В этом была, если прибегнуть к метафоре, логика импульса. В успехе Саркози сказался численный импульсивный элемент. Это читалось по лицам тех, кто повально радовался этому успеху:

II. ПОСЛЕ ВЫБОРОВ

они думали, что неумный малыш из Нейи построит такую Великую китайскую стену, которая защитит их от всех этих возмутителей спокойствия, думали, что теперь-то можно будет если и не вовсе не испытывать страха — для реакционера такое невозможно даже помыслить, — то, по меньшей мере, рассчитывать, что ими, нашими страхами, впредь займется само государство, бдительности которого нельзя не нарадоваться. На пьяной морде каждого саркозиста прямо-таки светится этот импульсивный переизбыток первобытного страха: и приходится думать, что наш новый маленький президент его и разделяет, в силу чего он нам сразу как-то ближе, и знает, как ограничить его неисчислимые и непредвидимые причины.

Но если бы я сам испытывал страх, то, чтобы его прогнать, не стал бы думать о такого рода персонаже, и по очень простой причине: я убежден, что Саркози, который и шагу не ступит без окружающей его твердолобой стеной охраны, не очень опасен. Как и все, кто полагает, что может выйти сухим из воды при любых обстоятельствах, поскольку все противники продажны и боятся шумной огласки дела, Саркози страшится любого реального испытания. Если я прав, то сам он больше всего боится того, что его собственный страх станет зримым. Что, заметим по ходу дела, сближает его с социалистами, коль скоро страстью социалистической клиентуры является

именно страх перед страхом. Они просто созданы друг для друга, для взаимопонимания. Это, естественно, не более, чем гипотеза, но готов побиться об заклад, что мы не преминем увидеть тлетворные последствия страха Саркози. В чем сказывается первый момент разрыва с голлизмом, даже в той его обветшалой, на ладан дышащей форме, в какой он влачил свое существование при Шираке. Ибо главной, если не единственной, политической добродетелью де Голля было то, что он никогда ничего не боялся.

Итак, налицо импульсивность, она написана на лицах всех тех, кто вбил себе в голову, что в лице Саркози они возымели и брата-по-страху, и лукавого-по-противо-страху. Что же до тех, кто испытывал страх перед страхом, то они во власти депрессии, вызванной всеобщим негативным импульсом, который заполонил горизонт нашего существования и с которым они просто-напросто столкнулись лицом к лицу.

Вторым элементом является ностальгия. Старый мир рушится. А старый мир явился на свет после Второй мировой войны, он плод того, как французские голлисты и коммунисты поделили между собой наследие этой самой войны — пете-низм, Сопротивление, Освобождение. В более общем плане, тупиковым обернулось целое направление парламентской жизни — направление, в рамках которого все точно знали, где право, где лево, направление, которое — под знаком союза

30

II. ПОСЛЕ ВЫБОРОВ

всех левых сил, этого самого «левого плюрализма», интегрировавшего и коммунистов, — при Миттеране было доведено, казалось, до совершенства. Сегодня Саркози предаёт смерти эту смердящую форму голлизма, лицом которой был Ширак. А в стане левых мы наблюдаем разброд и шатания, что было предвосхищено поражением Жоспена на выборах 2002 г., а в ещё большей степени — нелепым решением голосовать во втором туре за Ширака.

Что нас особенно занимает, так это дезориентация, которую влечет за собой — в отношении восходящей к 40-м годам системы «правые/левые» — субъективное и моральное разложение социалистической партии, а вместе с ней самого понятия «левые»; дезориентация, которая, однако же, поддерживается словом, которое вроде бы должно ориентировать, — словом «топология». Нет никакого сомнения, что понятие «левые силы» уже было неизлечимо больным, но сейчас его словно доби́ли, чтобы не мучилось. Сартр ещё в 60-е годы говорил: «Левые — это труп, что опрокинулся навзничь и смердит». Да, в этих словах сказалась агрессивность Сартра, но это было сказано сорок лет тому назад. Заметим, что на поправку дело так и не пошло. Ибо это разложение свидетельствует не только о недостойной слабости в противостоянии правым, политическом ничтожестве, которое было очевидным с давних пор. Дыхание смерти коснулось чего-то гораздо

31

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

более существенного, конститутивного элемента самого символического поля французского парламентаризма.

Разумеется, это давняя история. По правде говоря, все началось с неумолимого подтачивания рабочих ценностей, несколько чуждых системе французской коммунистической партии, то есть с 60-х годов прошлого века, в частности, с пресловутого 1968 г., а может быть и раньше. Уже давно во французской коммунистической партии наблюдались тревожные знаки шовинизма, страха перед любым политическим движением, которое она не контролирует «от А до Я», этого «парламентского кретинизма», как говорили в XIX в., когда здоровье революционного движения было явно лучше. Но тогда в лексиконе коммунистов было понятие «диктатура пролетариата», что, по меньшей мере, на словах, ставило их вне рамок «демократического консенсуса». Мало того, что в мае 1968 г. французская компартия

стала на какое-то время заклятым и организованным врагом всего революционного, студенческого и рабочего юношества и оплотом парламентаризма и синдикализма, она тогда распрощалась со своими словесными фетишами. Предстала как такой сварливый и эгоцентричный подвид повсеместной демократии. Затем последовал союз с Миттераном и постепенное исчезновение.

Разумеется, в мировом масштабе произошел крах СССР, ознаменовавший утрату всех идео-

32

II. ПОСЛЕ ВЫБОРОВ

логических ориентиров «марксизма», бдительным стражем которых прослыл этот трухлявый пень. К тому же с этой точки зрения можно заметить, что тягчайший кризис левой идеологии — перед лицом победоносных притязаний распоясавшегося капитализма — был спровоцирован вовсе не Сталиным. Во времена Сталина, заметим еще раз, политические организации трудящихся чувствовали себя много лучше, и капитализм не был столь наглым. В сравнение даже не идет. Вовсе не Сталин, а эти ликвидаторы — Брежнев, человек застоя, а главное ярый реформатор Горбачев — скинули всех левых скопом в яму ничтожества, из которой они неизвестно когда выберутся. Очень может быть, что так им и надо, а нам остается пожелать, чтобы он без лишних слов скончался, этот референт — «левые силы». Ну да ладно.

Заканчивая это пространное археологическое отступление о крахе левой идеологии, заметим, что избрание Саркози президентом остается знаменем нового времени, вспышкой какой-то внутренней гнусности, ударом по символической структуре французской политической жизни, в которой тематика «левых», их нескончаемых перестроек, возможности их победы являлись неотъемлемой частью электорального сознания. Так вот: именно эту неотъемлемость и отъяли. И то, что это было лишь завершением долгого процесса, не приносит вам никакого утешения, левые вы мои! С того момента, как старый символический мир

33

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

оказался под ударом, вы полностью дезориентированы. Ибо на сей раз удар пришелся не только по числу электората — показатель, впрочем, не хуже, чем обычно (47% — уже давно нормальный уровень для левых), — он затрагивает параметры политических ориентиров, субъективный закон счета.

Эти выборы выделяются тем, что они усугубляют дезориентацию, поскольку наглядно обнаруживают безнадежно обветшавший характер системы политической ориентации, восходящей к последней мировой войне, эту разбивку на «правых/левых». Благодаря выборам на всеобщее обозрение выставлено то, что дезориентация дошла до того, что сама система ориентации рассыпается в символический хлам. Вот почему после своего избрания Саркози может зайти пропустить стаканчик в Fouquet's и на яхте одного миллиардера отплыть расслабиться на Мальту. Он как бы говорит нам: «Левых никто больше не боится, долой всех бедняков!».

Понятно, что жалкие остатки искренне левых терзаются неизлечимой ностальгией по временам ясных политических ориентиров. Да, как им будет недоставать этого мира! Миттерана! И де Гол-ля! И даже Жоржа Марше! Да, что там — Ширака, этого брежнева от голлизма, который твердо знал, что если сидеть сложа руки, то смерть наступит нескоро. Да они сами голосовали за него, за Ширака, против Ле Пена. Кстати, Ле Пен, он же

II. ПОСЛЕ ВЫБОРОВ

тоже из этих, из позавчерашнего мира. Саркози и его банда заставят пустить слезу и по этому кривому старцу, что ходит королем среди слепых. Когда он, Ле Пен, кричал «Ух!», вас охватывал страх, ну, на минуточку, вы с радостью бросались промаршировать по улицам, и дело в шляпе. Ностальгия! Вот Сарко, он Президент, он позакручивает

гайки.

Одним из главных симптомов этого закручивания гаек и дезориентации являются перебежчики из левого стана, которые скопом ринулись к саркозистам. Едва его выбрали, этого неумного из Нейи, как повсюду забегали «левые» — с виду — крысы. Корабли старого мира пустеют на глазах, за кулисами проводятся престранные консультации. Немало былых глашатаев левого общественного мнения открыли для себя великие добродетели Сарко. Вот что еще больше сбивает с толку. Но это только предвестие более глубокого движения. Крысы кишмя кишат перед землетрясением.

По всей видимости, за всем этим стоит логика одной и единой партии. Именно это вбил себе голову наш президент: чтобы все как один плясали под его дудку. Что вполне естественно. Если все принимают капиталистический мир, рыночную экономику и представительную демократию как такие же объективные и непререкаемые данности, как закон всемирного тяготения, а то еще и покруче, то к чему все эти фикции с оппозици-

35

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

онными партиями? Мой друг Славой Жижек, словенский философ, где-то заметил, что, когда выставили на всеобщее обозрение оппозицию сталинизма и парламентской демократии, никто не заметил, что сталинизм был будущностью этой самой парламентской демократии. Теперь до нас, наконец, доходит: медленно, с превеликим трудом. Впрочем, будут, да уже случаются, кампании по ускорению процесса. В конечном счете, на фоне современных средств контроля населения Сталин — со своими нескончаемыми рукописными картотеками, массовыми расстрелами, топтунами в натянутых на глаза шляпах, неисчислимыми завшивевшими лагерями и зверскими пытками — предстает любителем из прежней жизни. Вот почему довольно трудно вообразить себе Саркози в роли Грузина: вождь, папаша народов. Куда ему, с его стилем управленца среднего звена в захолустном банке? Но поди ж ты, наш пострел везде поспел: наступит день и этого мастера импровизаций, болтуна и путаника назовут великим кормчим нашей единой партии — СБПЕ — СОЮЗА БОРЬБЫ ЗА ПРИЗИДЕНТСКОЕ ЕДИНОДУШИЕ. Да ему и стараться особенно не придется: достаточно будет, чтобы примкнувшие, перебежчики, крысы, что ринулись с терпящего крушение корабля, сбились в одну кучу, в одно болото, в одно такое крысиное цунами. По правде говоря, на деле, на таком уровне не приходится ждать, что это случится в ближайшие месяцы.

36

II. ПОСЛЕ ВЫБОРОВ

Но в символическом плане это уже случилось. В деле строительства СБПЕ зарекомендовал себя пока только крысиный авангард. Впрочем, авангард этот лишь продолжает, завершает, придает окончательную форму тому зданию контрреволюционного ренегатства, краеугольный камень которого был заложен в 1976 г. кликой «новых фи-лософов»^у.

Вы конечно же заметили, что победитель на выборах сразу же отчеканил, что он-де президент нам всем. Я у него ничего не просил. Я не заявлял, что он мне президент. Это он сказал: он хочет быть нам всем организатором, хочет быть достойным представителем будущей единой и единственной партии. Но пока — на уровне масс — есть только ностальгия по старому миру, правым и левым, законным требованиям трудящихся, социальной защите, сплоченности госслужащих, учителям начальной светской школы и, в конечном счете, по французским просторам, деревням, спокойствию, умиротворенности, силе... Сознание того, что нам нанесен удар, провоцирует глубокую и депрессивную ностальгию по традиционному старому миру, французскому шарму, маячкам субъективной ориентации.

Наряду с ностальгией, импульсивностью имеется и третий элемент: сознание бессилия. Более того: внутренняя сцена, внутреннее представление бессилия. Дело не только в том, что появляется какое-то новое бессилие. «Что же делать,

Боже мой, что же делать?» — этим безнадежным вопросом задается изрядное число людей с изрядно давних времен. Бессилие было действительным, теперь оно отъявленное, и я думаю — я ведь оптимист, — теперь не требуется никаких доказательств, что отъявленное бессилие является родовым измерением электоральной демократии. Именно поэтому нанесенный удар столь тягостен. Электоральная демократия объявляет себя местом, где бессилие — это правило поведения: речь о бессилии тех, кто пытается сообразовать свои действия и страсти с той идеей, что реальность рациональна. Все прекрасно видят, что электоральная демократия являет собой не пространство свободного выбора, а нечто такое, что регистрирует — как какой-нибудь сейсмограф — определенные диспозиции, которые чужды просвещенным волеизъявлениям, не имеют ничего общего с тем, как реальное мышление представляет себе те цели, к которым устремлена воля.

Когда видишь и слышишь, что политиканы и комментаторы в один голос заявляют, что самым решающим фактором этих выборов был процент явки избирателей, то поневоле поражаешься и даже — несмотря на такое единодушие — удивляешься, более того, испытываешь настоящее удручение. Ведь они не говорят, что было бы логично: «Проголосовало очень много людей, зададимся вопросом, почему, это крайне важно понять, учитывая то, что им было предложено». Но не тут-

II. ПОСЛЕ ВЫБОРОВ

то было. Они говорят: «Грандиозная победа демократии». Но предположим, что в другом контексте, в другую историческую эпоху (я использую это сравнение, потому что оно идиотское, у всех навязло в зубах) толпы людей проголосовали за Гитлера — так, впрочем, и было, — что избиратели массами изъявили такую свою волю: надлежало бы тогда говорить о сокрушительной победе демократии? Только в весьма специфическом смысле! Если только число требует, чтобы его превозносили до небес, это значит, что демократии буквально наплевать на какое бы то ни было содержание. Что если она что-то и представляет, то исключительно свою собственную форму, выставление на всеобщее обозрение числового элемента. Во всех этих высокопарных заявлениях рефлексия — скорее всего неутешительного плана — по поводу того, зачем же столько людей пошло на эти выборы, оттеснена на задний план. Полагаю, что всякий, кто возносит хвалу проценту явки избирателей, разделяет состояние всеобщей депрессии. Самолично подтверждает, что предосудительно хулить это абсурдное голосование. Что такое даже вымолвить нельзя: «Если они пошли на выборы, чтобы одарить нас дерганым мэром Нейи, то лучше бы сидели дома». Нет, нас принуждают к отвлеченной радости: явка была массовой! Да, это они сами все придумали, организовали весь этот позор, губительные последствия нам предстоит пережить, но все рав-

но: «Слава победителям электорального фронта!». Числом человеческой глупости они принесли победу демократии. В общем, депрессия спровоцирована также неизбежностью, в силу которой все «демократы» вынуждены констатировать, что народ поимел то, чего хотел, что результат не вызывает никаких сомнений, никаких подозрений, что теперь всем нам с этим жить. Впрочем, именно об этом поведали нам политиканы в тот же вечер. Они в один голос заявили: «Надо уважать всеобщее избирательное право». Не будешь блюсти, как я, «волеизъявление народа», которое иные считают опасным и идиотским, подохнешь. Словом, преклоним колена перед числом.

Я должен вам сказать, что совсем не уважаю самого по себе всеобщего избирательного права, все зависит от того, на что оно направлено. Разве всеобщее избирательное право достойно уважения независимо от того, какие результаты оно приносит? Почему же? Ни в одной другой области человеческих действий и суждений об

этих действиях никто не считает, что какая-то вещь самоценна вне зависимости от результатов, которые она приносит. К всеобщему избирательному праву восходит предостаточно всяких мерзостей... В истории не раз случалось, что большинством голосом принимались прегнусные решения: Гитлер, Петен, война в Алжире, вторжение в Ирак... То есть в демократическом «большинстве» нет никакой заведомой невинности. Превозносить

40

Г

II. ПОСЛЕ ВЫБОРОВ

число до небес только потому, что люди сходили и проголосовали, независимо от того, что это нам дало, уважать решение большинства и не скрывать своего безразличия к его содержанию — это значит разделять состояние всеобщей депрессии. И при этом не иметь никакой возможности выразить свое негодование по поводу результата, быть вынужденным его уважать — вы отдаёте себе отчет! То есть мало того, что следует самолично удостоверить глупость всеобщего числа, еще требуется оказывать ей самое нижайшее почтение. Это уж слишком!

В действительности во всем этом дает о себе знать, хотя люди отказываются это видеть, то, что выборы могут выступать и инструментом волеизъявления, и инструментом подавления; при этом неочевидно, какая из этих двух функций перевешивает. Ничто не приносит угнетателям такого удовлетворения, как возможность ввести выборы во всем мире, а если потребуется, то и ценой войны, навязать выборы всем, даже тем, кто никогда о них не заикался. Даже в отношении забастовок наш президент не преминул заметить, что посмотрит, что тут можно сделать. Дай ему волю, и забастовка будет происходить согласно всеобщему избирательному праву: с бюллетенями для тайного голосования, урнами, охраной... Это для пущей «демократичности» забастовок. Чего же ожидаем? В действительности все делается для того, чтобы всячески затруднить объяв-

41

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

ление забастовки под предлогом нанесения ущерба «пользователям» публичного государственного имущества, предлогом, впрочем, совершенно надуманном⁴. Хотя бы в этом отношении следует вспомнить об опыте 1968 г.: число бастующих доходит до миллионов, манифестации проходят каждый день, появляются беспрецедентные союзы, объединяющие молодежь из совершенно разных кругов, студентов и рабочих; массы охвачены новизной происходящего, красные флаги мелькают даже на иных респектабельных улицах, повсюду царит экстравагантность, веет ветер надежды, все думают, что закабаление вот-вот сгинет. И все прахом: достаточно было властям

⁴ Идея о том, что «пользователи» систематически не приемлют забастовок, насквозь лжива — это одна из самых громких нелепостей, на которые не скупятся наши политики и господствующие медиа, во всеуслышание объявляя их очевидными истинами. В декабре 1995 г., например, забастовка водителей грузовиков была поддержана массовыми демонстрациями по всей стране, превосходившими по своему масштабу волнения 1968 г. В иных провинциальных городах (например, в Роанне) в манифестациях участвовала добрая половина жителей! Такого рода примеров предостаточно. То же самое и в отношении старой песенки всех реакционеров «у нас слишком много госслужащих» — то, что эта мысль разделяется большинством граждан, не более, чем фикция. Недавний опрос общественного мнения убедительно показал, что из всех премерзких предложений нашего «ве-ликомилоствивого» президента, предложение сократить число госслужащих нашло наименьшее понимание.

42

II. ПОСЛЕ ВЫБОРОВ

предержавшим, лично де Голлю, но особенно Пом-пиду, организовать выборы, и мы заполучили самый реакционный парламент с 1919 г., вторую «Голубую палату»^{VI}. Не

приходится сомневаться, что выборы были главным средством усмирения волнений, подавления политического движения. И совсем не из экстремизма, но в порыве абсолютно ясного сознания, активисты кричали тогда по улицам: «Выборы — ловушка для идиотов». Я не хочу сказать, что выборы по сути своей являются инструментом политических репрессий. Я хочу сказать, что они плоть от плоти государства, определенной формы государственности — капитало-парламентаризма, — приспособленной для поддержания существующего строя; что, следовательно, они всегда отличаются консервативной функцией, каковая, в часы смуты, выливается в функцию репрессивную. Все это сегодня наблюдается с исключительной недвусмысленностью и только усиливает чувство бессилия. Если в пространстве государственных решений нам, обычным гражданам, остается только тесный уголок избирателя, то просто невозможно понять, по крайней мере, на сей день, каковы возможности перехода к реальной политике освобождения людей.

Итак, думаю, что, в завершение всех этих замечаний, можно подвергнуть анализу субъективную ситуацию жалких остатков левых сил во Франции, точнее, мужчин и женщин доброй воли, которая — под воздействием триумфа Саркози —

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

представляет собой смесь негативной импульсивности, исторической ностальгии и чувства отъявленного бессилия.

Таким образом, я высвечиваю то, как сегодня вечером я вас воспринимаю, таков, если угодно, мой диагноз: депрессивная астения. В этом деле можно опереться на определение, которое Лакан дает психоаналитическому лечению. Лечение необходимо, ведь мы все подавлены. Лакан говорил, что в лечении главное то, «чтобы бессилие было возведено в ранг невозможного». Если все мы переживаем синдром, главным симптомом которого является отъявленная невозможность, значит мы можем возвести бессилие в ранг невозможного. Что это значит? Многое. Прежде всего то, что следует найти какую-то реальную точку, какой-то пункт реальности, и держаться его во что бы то ни стало. Это значит выйти из под мутной струи бессилия, исторической ностальгии и депрессивной компоненты и встать па какую-то реальную точку, в отношении которой нам точно известно, что следует стоять на ней во что бы то ни стало, поскольку она не вписывается в закон ситуации. Если вы находите такую точку, исходя из которой можно мыслить и действовать, но она не вписывается в ситуацию и единодушно объявляется господствующим общественным мнением (которое никогда не боится противоречий) и абсолютно прискорбной, и совершенно непрактичной, а при этом сами вы объявляете, что бу-

44

Г

II. ПОСЛЕ ВЫБОРОВ

дете стоять на ней во что бы то ни стало, значит, вы возвели бессилие в ранг невозможного. Если вы стоите на такой точке, вы включаетесь в становление субъектом, связанное с последствиями того, что большинство объявляет опасной блажью, на счастье совершенно невозможной, но именно это обручает вас с реальностью и выводит, в виде исключения, из состояния депрессивного синдрома.

Весь вопрос тогда: что это значит «держаться» такую точку, если мы предположим, что ее нашли. «Держать точку» это значит ввергнуть человеческое животное, которое в нас сидит, в становление субъектом. Это значит плотью и кровью отдаться извлечению последствий того, что вы стоите на своем, воплотить себя в том субъективированном теле, которое они мало-помалу выстраивают в нашем мире. Это значит к тому же, что одновременно вы выстраиваете в темпоральное™ общественного мнения иную временную длительность, которая всемерно отличается от той, к которой вы были приписаны процедурами государственной символизации.

Если вы пленник темпоральности мнения, вы скажите себе, как многие

социалистические вожди и избиратели: «Черт возьми! Двенадцать лет терпели Ширака, и теперь придется ждать очередных выборов. Семнадцать лет! А может и двадцать два года! Целая жизнь! Нет, это невозможно!». И тогда вы в лучшем случае подавлены, в

45

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

худшем — предпочитаете оказаться крысой. Крысой будет всякий, кто, оставаясь внутри тем-поральности мнения, не может вынести ожидания. Следующие выборы, на которые даст отмашку государство, нескоро. Я старею, скажет себе крыса. Крыса не хочет мурыжить себя в бессилии, но еще меньше — в невозможном! Крысе какое дело до невозможного?!

Следует признать: Саркози является глубоким знатоком субъективности крыс. Они липнут к нему как мухи. Может, он сам — крыса? Вспомним 1995 г., когда, сгорая от нетерпения заняться серьезными министерскими делами, он переметнулся от Ширака к Балладюру. Во всяком случае, обратив во благо государства крысиную психологию, он вполне заслуживает того, чтобы дать ему одно из самых достославных имен анналов психоанализа. Я предлагаю впредь именовать Ни-коля Саркози «человеком-с-крысами»¹¹. Согласитесь, он этого достоин.

Крысой является тот, кто испытывает потребность броситься очертя голову в подготовленную длительность, не будучи готовым к тому, чтобы выстроить другую длительность. Точка, которую предстоит найти, должна быть таковой, чтобы к ней можно было аннексировать отличную от заданной длительность. Не хочешь быть крысой, не хочешь жить в подавленном состоянии, выстраивай свое время, которое будет отличаться от того, которое предписано тебе государством или

46

II. ПОСЛЕ ВЫБОРОВ

теперешним положением вещей. То есть время невозможное, но это будет *наше* время.

Тут вновь следует вернуться к истории мая 1968 г. Ведь на одном из митингов наш президент сделал весьма интересное заявление о Мае 1968 г. Если я правильно понимаю, что он хотел сказать, то высшая цель всей его жизни — раз и навсегда покончить с Маем 68-го, в этом смысл «разрыва», о котором он говорит. Должен признаться, что не очень хорошо понимаю это его заявление, оно какое-то темное. В нем есть что-то глубокое, в нем меняются наши экономические и экологические потехи (сбалансированный бюджет, заработная плата управленцев, дыра социалки, дыра пенсий, озоновые дыры, кругом одни дыры, прямо наваждение какое-то), но оно остается непрозрачным. Сначала у нас — профессионалов-маев-щиков — было такое ощущение, что с Маем 68-го давным-давно покончено. Что он такое знает, чего не знали бы мы, этот «человек-с-крысами»? Что заставляет его утверждать, что основополагающая цель его политики в том, чтобы с Маем 68-го покончить в мае 2007 г., сорок лет спустя? То есть для «человека-с-крысами» Май 68-го еще жив, это факт. Хорошая новость! Будем надеяться, что так оно и есть, что Май 68-го присутствует в умах и реальных ситуациях, нынешних и грядущих. Мао часто говорил: «У крестьянина верный глаз». Пожелаем же, чтобы в отношении Мая 68-го верный глаз был у «человека-с-крыса-

47

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

ми». Ибо если и на самом деле Май 68-го является для новых государственных реакционеров главным вопросом политической конъюнктуры, если этот Май обладает такой страшной живучестью, то мы с чистым сердцем можем сказать: «Спасибо, господин Президент, это действительно хорошая новость, мы и не надеялись».

Ладно, если серьезно, то попытаемся понять, что же сегодня может значить Май 68-го. Что он может значить для прислужника биржевых показателей, заклятого врага нелегальных рабочих и молодежи из народных кварталов, который просто помешан на

полицейском порядке и бесконечно плодovit на злодейские законы. Он утверждает: Май 68-го — это такой момент, когда люди перестали ясно различать, где Добро, а где Зло. В общем, у Саркози ницшеанское понимание Мая 68-го. Ведь, в конце-концов, Май 68-го — это нечто противоположное. Нечто такое, что никоим образом не «по ту сторону добра и зла». Наоборот, это точная идентификация Зла: для бунтарей-активистов «красного десятилетия» 1966-1976 гг. Зло — это люди финансов, люди власти, которые похожи на крыс, на «человека-с-крысами». В конечном счете, это он — Зло, «человек-с-крыса-ми». А Добро — это политизированный рабочий, бастующие рабочие, активисты революционного движения. Вопреки словам Саркози, Май 68-го предлагает нам четкое, сильное разведение, разъединение Добра и Зла. Саркози не всерьез гово-

II. ПОСЛЕ ВЫБОРОВ

рит о Мае 68-го, в своих диатрибах он лишь символизирует некую морализаторскую пропаганду. Я еще вернусь к роли морали в этом деле, наша страна переживает «моральный кризис» и т. п. Такого рода речи следует анализировать со всем вниманием, по-философски. Пока же зададимся вопросом: во что целит «человек-с-крысами» в своих абсурдных диатрибах о Добре и Зле. Что за призрак — под именем «Май 68-го» — не дает ему покоя? Говоря о призраке, мы, разумеется, подхватываем нить анализа Жака Деррида из книги о призраках Маркса⁴™. В самом деле, когда Маркс в 1848 г. говорит, что «призрак бродит по Европе», он хочет сказать, что коммунизм — такое имя носит призрак — является страшным наваждением буржуазии. Но если Саркози признается, что ему не дает покоя призрак 68-го, что он хочет во что бы то ни стало от него освободиться, это значит, что он имеет в виду одно из последних реальных проявлений призрака коммунизма. Он говорит примерно следующее (примите от меня прозопопею «человека-с-крысами»): «Мы, современные реакционеры, не хотим никаких наваждений. Мы искореним саму мысль, что можно стоять на какой-то реальной точке, что находится вне законов государства, вне господства того мира, над которым мы господствуем. В Мае 68-го люди говорили, что нужно стоять на какой-то реальной точке, например, поддерживать совершенно новый союз молодых интеллектуалов и

49

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

рабочих, они пытались, насколько это было возможно, стоять до конца. Мы не намерены терпеть не только реальность, но саму мысль, что можно стоять до конца. Мы намерены вырвать с корнем саму возможность мысли о том, что такого рода упорство стоять на своем в реальности возможно. В общем, мы хотим, чтобы все публично и единодушно признали, что призрака больше нет. Эмпирический коммунизм испарился, это хорошо, но нам этого мало. Мы хотим, чтобы не было даже духа какой-то возможности коммунизма. Хотим, чтобы само имя коммунизма — родовое имя нашего поражения или даже нашего исчезновения — не могло быть никем упомянуто, даже в виде гипотезы».

Да, у «человека-с-крысами» верный глаз, что есть, то есть. Можно спорить, каковы в точности были те пункты, на которых пытались стоять активисты и манифестанты красного десятилетия. Ясно одно — все они восходили к гипотезе коммунизма, в родовом его смысле: преодолеть капитализм, частную собственность, всевластие денег, деспотичное государство и т. д. Можно задаваться вопросами об этих пунктах — были они верными или неверными, действительно новыми или несли на себе отметины прошлого? Но такого рода вопросы следует задавать своим, реальным современникам призрака коммунизма: о чем спорить с «человеком-крысой»? Тем не менее, есть все основания думать, что тогда имело место не-

II. ПОСЛЕ ВЫБОРОВ

что грозное (для него и ему подобных), нечто такое, что разгибалось, разворачивалось, началось около 1965 г. и в виде массового феномена сохраняло силу вплоть до 1975 г., — то, что требовало новой дисциплины, нового отречения,

восходивших к такому реальному пункту, на котором можно было стоять, храня своего рода радостное безразличие в отношении государственного и коммерческого закона мира, как бы его тогда ни превозносили.

Значение последних выборов в том, что они уносят прочь убеждение — разделяемое теми, кто сегодня приходит к власти, и теми, кто идет вслед за ними, — что можно покончить с «чем-то таким», что — среди прочих имен — носит имя «Май 68-го», по меньшей мере, что в последнее время так именовалось во Франции. Но как с этим покончить? А так, чтобы превращение пассивных и однотипных индивидов-потребителей в субъектов реального процесса, где стоять на своем считается правилом, было объявлено — в самом строгом смысле слова — вне закона. В смысле не только полицейском — этого как раз долго дожидаться не придется. Но в том смысле, что такого рода превращение раз и навсегда будет отнесено к порядку того, что абсолютно невозможно себе представить. Когда, если ты сделаешь «что-нибудь» такое, что не будет внутри предложенной тебе темпоральное™, ты окажешься не только вне закона эмпирического мира, но и вне

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

закона всякого возможного или представимого мира.

Если предположить, что такого рода операция проведена (это и значит «покончить с Маем 68-го»), то искушение подчиниться становится неодолимым. Ибо единственно верным, по-настоящему диалектическим ответом на негативный импульс, на бесхребетную депрессию будет решение стоять на своем, хотя это и «нелегально». Так как если нет этого «своего», если нет такого пункта, на котором ты будешь стоять, это значит, что единственный хоть сколько-нибудь жизненный (или сверхжизненный) выход в том, чтобы подчиниться самой отвратительной реальности. Здесь мы вновь сталкиваемся с лакановской диалектикой — диалектикой реального и реальности. Если ничто не нарушает цельности реальности, если ничто не является исключением из нее, если невозможно стоять на своем, чего бы тебе это ни стоило, то вокруг тебя и нет ничего, кроме реальности и подчинения этой реальности, тому, что Лакан называл «обслуживание благ». Насилие, обращенное на Май 68-го, направлено в действительности на упрочение неограниченной гегемонии «обслуживания благ». Как нам прекрасно известно, обслуживание благ — это обслуживание тех, у кого есть блага. Нашумевшая эскапада Саркози на миллиардерской яхте — как раз после светской пирушки в Fouquet's в победный вечер — не просчет, не бестактность, как это по-

52

II. ПОСЛЕ ВЫБОРОВ

рой пытались представить. Да, он пошел повидать и поблагодарить своих компаньонов, спонсоров — крупных финансистов, вассалом которых заделался. Но главное было в том, что он тем самым объявлял, что впредь так и будет: личная выгода превыше всего, теперь все должны жить по правилам обслуживания благ. Других не будет, ибо в основании этих правил — обращение капиталов. А что вы имеете против? Кто не стоит на своем, на каком-то реальном пункте, с которого может говорить, не ища для себя никакой выгоды, тому и ответить нечего. Если обслуживание благ является законом мира, почему не проникнуться такого рода деятельностью? Саркози в символическом плане показал, что, обслуживая тех, кто имеет блага, он обслуживал самого себя, что именно за это его выбрали президентом, что выбрала его президентом толпа простачков. Что же до тех, кто не в состоянии обслужить себя, встав на службу обслуживания благ, им же хуже. От них если что и требовалось, то лишь не согласиться с тем, чтобы обслуживание благ стало максимой нашего мира. Лишь воздержаться от участия в выборах, в частности, от голосования за «человека-с-крысами».

Можно подойти к заключению. Возвести бессилие в ранг невозможного значит повернуться спиной к обслуживанию благ, каковое и есть бессилие возможного. Это значит сделать свой выбор, решиться стоять на своем и заявить — напе-

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

рекорд закону мира, — что вы будете стоять на своем, чего бы это вам ни стоило. Но что это значит — «стоять на своем»? В какой точке вы будете стоять на своем? В какой угодно, лишь бы она была формальным исключением из правила «обслуживания благ», обязывающим всех вокруг к дисциплине истины.

54

III

ВОСЕМЬ ПУНКТОВ, НАЧАЛО

Поскольку в мире, эмблемой которого выступает Саркози, все покоится на твердой решимости держаться какой-то точки, не будем скупиться. Я укажу вам восемь посильных пунктов. Это не какая-то программа, не перечень, это таблица возможностей, таблица, естественно, абстрактная и неполная.

Пункт 1. *Принять то, что работающие здесь рабочие являются здесьними, что их должно одинаково уважать, питать почтение к ним как таковым, особенно это касается рабочих иностранного происхождения.*

Вопрос это существенный, размах его настоящих последствий еще не осознан во всех его измерениях: восстановить означавшее «рабочий» в политическом дискурсе-действии. Нет, не в соответствии с той линией, что доминировала в XIX в.,

55

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

на первом этапе коммунистической гипотезы (рабочий класс как главная движущая сила естественного исторического движения к освобождению всего Человечества). И не в соответствии с той, что доминировала в XX в., на втором этапе коммунистической гипотезы (единая партия рабочего класса, единое и обязательное руководство революционной политикой, затем — в форме государственной партии — исключительный орган диктатуры пролетариата). Но в соответствии с третьей линией, находящейся на стадии эксперимента: «рабочий» как родовое имя для всего того, что может уклониться — в организованной форме — от установившейся гегемонии финансового капитала и его прислужников.

В непосредственном опыте, связанном с этим вопросом, стратегическую позицию занимает организация рабочих иностранного происхождения. Мы это уже начинаем понимать через это самое «обучение на плохом примере», о котором некогда говорили китайские коммунисты, — парламентскую политику. Взять под контроль иммиграцию: выслать всех вон, пусть сначала выучат французский, а уж потом и едут! Запретить все эти воссоединения семей, младших школьников разогнать по отчим домам! Ограничить, а потом вообще отменить право на политическое убежище! Выставить наши убогие «цивилизованные» деревни против обычаев этих пришлых! Да здравствует феминизм — агрессивный и подозри-

56

III. ВОСЕМЬ ПУНКТОВ, НАЧАЛО

тельный! Долой хиджабы — у нас светское государство! Доносить — разрешается! Массовые облавы — приветствуются!... Все эти нескончаемые кампании указывают нам главную цель врага, вне зависимости от конкретных тенденций (*той* был задан социалистами в 80-е годы прошлого века), и соответственно — место нашего действия.

То есть, скажите для начала, это и будет ваш пункт: «Рабочие иностранного происхождения должны быть признаны государством как свободные подданные. Более того, они как таковые достойны почтения. Выстроим ряд процедур, направленных не только на то, чтобы были защищены они сами, их семьи и их дети, но и на то, чтобы эти рабочие могли организоваться как политическая народная сила, чтобы буквально каждый — пусть даже из спасительного опасения перед этой силой — рассматривал их как свободных подданных этой страны, ее честию. Да, воздадим им честь! Так как, между нами, чем чествовать «человека-крысу», гораздо правильнее чествовать какого-нибудь мальица, который моет посуду в китайском ресторане и между делом — то есть в силу

того, что после своей нескончаемой работы ходил на собрания и манифестации, — превратился в органичного для новой политики интеллектуала.

Вспомним язык Ницше. Следует суметь подключиться к движению переоценки установлен-

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

ных ценностей. Есть такие моменты, когда следует настоять на ниспровержении навязанных мнимостей. Следует возмечь свободу, ручательством которой послужит политическое мыс-ле-действие, сказать, что многих из тех, кого сегодня преследуют, абсолютно необходимо чувствовать — не потому, что их преследуют (это обычная гуманистическая — милосердная — гнусность, опиум мелкой буржуазии), но потому, что во имя всех нас они организуют утверждение отличной человеческой мысли. Впрочем, в том же духе действовал и сам Маркс: я буду чувствовать рабочих, у них ничего нет, они считаются опасным классом, я буду их чувствовать, участвовать в их организациях (Первый интернационал), поскольку это они составляют главную движущую силу Истории освобождения, это они главные строители равноправного общества. Каков бы ни был тот уровень, на котором мы можем сегодня как-то по-новому сделать этот жест, мы его сделаем. Отбросим прочь приговор Саркози и его крыс, который с высоты своего реакционного ничтожества заявляет, что этого малийца-мойщика посуды здесь только терпят и что он должен выполнить множество условий, чтобы просто остаться там, где сейчас находится. Выстроим, в пику времени мнения, коллективную длительность, внутри которой малиец-мойщик посуды не только получит признание в качестве свободного субъекта, но и будет особым обра-

58

III. ВОСЕМЬ ПУНКТОВ, НАЧАЛО

зом чувствоваться. У нас есть опоры, чтобы твердо стоять на этом пункте⁵.

Пункт 2. *Искусство как творчество, вне зависимости от времени и страны происхождения, выше культуры как потребления, сколь бы современной и актуальной ни казалась бы последняя.*

Чтобы утверждать правомерность, правильность этого пункта, существует множество мест. Например, школы и медиа. Особенно, когда нужно твердо заявить, что опубликованные в Японии XII в. «Сказки Гёндзи» госпожи Мурасаки Сики-бу неизмеримо выше любого французского романа, удостоенного Гонкуровской премии за последние 30 лет. Что нет никаких оснований объяснять лицеистам шестого класса «Славу моего отца» Марселя Паньоля, а не «Принцессу Клевскую» Мадам де Лафайет. А также когда нужно твердо стоять на том, что глупо и смешно ставить в один ряд — во имя униформизации того, что называют «музыкой», — шансон, оперетту, фольклор с далеких островов, песни и пляски французских крестьян, африканские барабаны, Булеза, Месси-

⁵ Чтобы действительно стоять на этом пункте № 1, следует обратить внимание на предложения и акции «Собрания проживающих в городских общежитиях нелегальных рабочих». Писать: *Le Journal Politique*, s/c *Le Perroquet*, BP 84, 75462 Paris. См. также Интернет-сайт: orgapoli.net

59

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

ана и Фернихоу; что следует оценивать развлекательную музыку по шкале подлинной музыки, а не наоборот; а музыку прошлого — по шкале современного музыкального новаторства. А посему стоять на том, что нет никаких оснований впадать в экстаз — что так любо современным реакционерам, которые все как один заделались фанатами «барокко», — упиваясь творениями какого-нибудь педанта XVII в., обнаруженными в благоговейной пыли муниципальной библиотеки Монпелье и исполняемыми для пущей услады на приторных «старинных инструментах» вместо того, чтобы пытаться слушать величайшие шедевры XX в.

Пункт 3. *Наука, которая в сущности своей бескорытна, выше любой техники,*

особенно когда последняя приносит прямую выгоду.

Организоваться вокруг этого пункта, бороться за него чрезвычайно важно, в частности, в отношении исследовательских институций, учебных программ, обзоров в прессе новаторских научных достижений. Универсальная и родовая правомочность научного творчества, которое никоим образом несоизмеримо с технической полезностью, — сегодня этот пункт должно утверждать заново, выдвигая в качестве парадигмы, на чем настаивал Платон, высшую математику. В отношении последней необходимо заявить — в противовес избирательной, аристократической организации

60

III. ВОСЕМЬ ПУНКТОВ, НАЧАЛО

ее преподавания в наши дни, — что она общедоступна, принадлежит всем и каждому.

Вам, конечно же, известно заявление «человека-с-крысами» относительно классической литературы. Оно может служить примером в отношении всех «малоприкладных наук». Он заявил в общих словах следующее: «Вы можете изучать классическую литературу, если вам это так нравится, но нельзя требовать от государства, чтобы оно оплачивало такое образование. Деньги налогоплательщиков пойдут на экономику и информатику». Это лишь один из несчетных перлов нашего персонажа, который буквально преклонил колена перед прибылями и прибылеполучателями, рвачами. Он разрабатывает, наш президент, онтологию прибыли: то, что не приносит прибыли, не имеет права на существование; если какие-то там чудачки предаются бескорыстным умственным занятиям, пусть сами выкарабкиваются, они не получают ни су!

Держаться этого пункта означает следующее: то, что обладает всеобщей ценностью и тем самым сохраняет отношение с истинами, на которые способно человечество, совсем не однородно с тем, что обладает рыночной стоимостью. Совершенно необходимо, чтобы то, что обладает всеобщей ценностью, имело свое место — первое — и почиталось как таковое. Здесь вопрос о ценности наук смыкается с вопросом о политических ценностях. Будем чтить творцов высшей математики так же,

61

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

как этих рабочих, которые, пройдя через невероятные экзистенциальные перипетии, зачастую владея четырьмя-пятью языками, приехали сюда работать, делать то, чего никто из наших сограждан не хочет делать, и к тому же находя время для активного участия в политике. Да, это вы моете посуду в ресторанах, вы подметааете улицы, пробиваете асфальт, находя к тому же время для организации беспрецедентных политических собраний, — уже поэтому вы достойны почтения. То же самое и с науками. Все то, что имеет касательство — одновременно и трудное, и радостное — к сущностной бескорыстности мыслительной деятельности, должно получить поддержку и пользоваться уважением, по самой сути этих занятий, вопреки нормам технической прибыльности.

Воздадим должное Огюсту Контю^{IX}, который в свое время отчетливо понял, что становление человечества требует невиданного донныне союза пролетариев и научной мысли (и, конечно же, Женщины, но это уже следующий пункт).

Пункт 4. *Любовь следует переизобрести (так называемый «пункт Рембо»), но для начала просто взять под защиту.*

Любви — как процедуре истины, относящейся к Богу как таковому и различию в качестве различия, — угрожают со всех сторон. Угроза идет слева, если так можно выразиться, со стороны либертинства, в рамках которого любовь

62

III. ВОСЕМЬ ПУНКТОВ, НАЧАЛО

сводится к вариациям на тему секса, и справа, со стороны либеральной концепции любви, в рамках которой она подчиняется брачному контракту. Именно на любовь обрушиваются совместные и губительные атаки вольнодумцев и либералов. Первые

отстаивают право демократического индивида на наслаждение во всех его формах, не замечая того, что в мире рыночной диктатуры они выступают пособниками промышленной порнографии, которая является сегодня крупнейшим глобальным рынком. Вторые видят в любви договор между двумя свободными и равноправными индивидами, то есть без конца задаются вопросом, уравниваются ли выгоды одного выгодами другого. В обоих случаях мы остаемся внутри доктрины, согласно которой все существующее находится в ведении арбитражного суда индивидуальных интересов. Разница между вольнодумцами и либералами — и те и другие единственной нормой жизни считают удовлетворение индивидов — лишь в том, что первые имеют в виду желание, а вторые — спрос.

Наперекор такому взгляду на вещи следует стоять на том, что любовь начинается по ту сторону желания и спроса, каковы, однако, она охватывает. Любовь — это экзамен Мира с точки зрения двоих, так что территория любви вовсе не в индивиде. В любви субъект формируется, но не иначе, как в виде некоей дисциплинированной конструкции, которая не сводится ни к желанию,

63

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

ни к равноправному контракту ответственных индивидов. В любви сказывается неистовство, безответственность, творение. Длительность любви не зависит от частного удовлетворения желания или спроса. В ней говорит новое мышление, единенное содержание которого обращено на разделение и его следствия. Придерживаться пункта любви в высшей степени поучительно в отношении того видоизменения, к которому обязывает индивида так называемая суверенность индивида. В самом деле, любовь учит тому, что индивид как таковой есть не что иное, как пустое место и сам по себе ничего не значит. Уже в силу этого урока любовь достойна того, чтобы рассматривать ее как благородное и трудное дело нашего времени.

Пункт 5. *Каждому больному, который обращается к врачу, должна быть оказана самая достойная медицинская помощь в надлежащих условиях современной медицины — помощь абсолютно безусловная, то есть без всякого ограничения возрастного, национального, «культурного», социального или материального характера (пункт Гиппократ).*

Речь о том, чтобы восстановить во всей силе известную греческую максиму, «клятву Гиппократ», которая является до того древней, до того справедливой, что сегодня на ней благополучно поставили крест. Сегодня, чтобы оказать помощь

64

III. ВОСЕМЬ ПУНКТОВ, НАЧАЛО

больному, врач для начала должен справиться о его имущественном положении, качестве медицинской страховке, установить дифференциацию медицинских услуг в зависимости от того, белый он или черный, каковы у него источники дохода, буквально проверить документы. Вопрос о здоровье и призвании медицины отходит на задний план, а его место занимают бюджетные соображения, полицейский надзор за иностранцами и социальная дискриминация. Это уже выходит за рамки тех весьма реальных угроз, которые нависают над национальной системой возмещения затрат на врачебную помощь, а она, пользуясь общественным признанием, является — на беду всяческих крыс — лучшей в мире. Это касается самого определения медицины. На сегодня многие врачи, особенно из числа больничного руководства, превращаются в агентов или пособников бюрократического менеджмента, прибегающего ко все более нестерпимой сегрегации. Вот почему необходимо самым энергичным образом напомнить им о «пункте Гиппократ».

Пункт 6. *Всякий процесс, который обоснованно притязает на то, чтобы выступить от лица политики освобождения, должно расценивать как нечто такое, что неизмеримо выше любой управленческой обязательности.*

Добавим скупой комментарий: необходимо с особенной твердостью стоять на этом превосход-

65

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

стве, когда управленческая политика провозглашает себя «современной», утверждает, что исходит из «насушной потребности реформировать страну» или намеревается «покончить со всеми архаизмами». Здесь затрагивается невозможное, то есть реальное, а оно одно в состоянии освободить нас от бессилия. Мы ежедневно убеждаемся, что «модернизация» — это имя рабского и жесткого определения возможного. Все без исключения «реформы» делают невозможным то, что некогда было доступным (для большинства), а плодотворным — то, что таковым никогда не было (для господствующей олигархии). Наперекор управленческому определению сферы возможного, будем утверждать, что то, что мы собираемся делать, хотя управленческие агенты кричат что есть мочи, будто это невозможно, является — в самом средоточии невозможного — созданием некоей правомерной для всех и каждого возможности, которую прежде никто в глаза не видел.

Пункт 7. *Газету, принадлежащую богатому менеджеру, не стоит читать тем, кто и не богат, и не менеджер.*

Вот совсем маленький пункт, следовать которому должно без всякого промедления. Посмотрите, кому на деле принадлежат газеты, включая самые популярные новостные каналы. Они принадлежат королю цементных заводов, принцу

66

III. ВОСЕМЬ ПУНКТОВ, НАЧАЛО

производства товаров роскоши, императору самолетостроения, магнату глянцевого журналов, денежному воротиле, что сколотил свое состояние на питьевой воде... Короче говоря, всем этим людям, которые, благополучно владея своими газетами, заводами, пароходами и яхтами, готовы гостеприимно усадить малыша Саркози — ведь он добился своего — на свои широкие колени. Как можно смириться с таким положением вещей? Почему информирование широких масс должно зависеть от цен на бетономешалки или страусовые перья? Не читайте газет, не смотрите передач, которые передаются исключительно из господствующих коммерческих кругов. Пусть медиа-магнаты сами читают свою прозу жизни, в своем кругу. Долой интересы тех, в чьих интересах то, чтобы их интересы стали нашими!

Пункт 8. *Есть только один мир.*

Этот пункт столь важен, что ему я посвящу целый раздел.

IV

ВОСЬМОЙ ПУНКТ

Вернемся к восьмому пункту. Что значит «Есть только один мир»?

Нам известно, что современный капитализм гордится своим мировым характером. Повсюду твердят о глобализации. Враги этой самой глобализации говорят, что им нужен другой мир. Говорят об «альтер-глобализации». Таким образом, мир не является больше только местом существования людей. За него идут мировые баталии. Ставка: каким будет мир? В этом вопросе заключено еще два. Аналитический (в нем еще два): в каком мире мы живем? в каких мирах мы живем? И нормативный: в каком мире хотим жить?

Практическая связь между аналитическим и нормативным вопросами образует общепринятое определение политики: политика предоставляет средства перехода от мира, какой он есть, к миру, каким мы хотим его видеть. Альтер-глобализация,

68

IV. ВОСЬМОЙ ПУНКТ

экология, демократия, долговременное развитие, защита прав человека... создается впечатление, что все эти практики определяют роль политики на мировой сцене.

Все это очевидно, если сегодня мы действительно можем сказать, что мир

существует. Но так ли это? Вопрос сложный. Во-первых, распоясавшийся капитализм на весь мир заявляет, что его нормы, в особенности то, что он называет «демократией» и «свободами», должны стать нормой жизни для всего мира, что и происходит благодаря усилиям «международного сообщества», особенно когда последнее сливается с раболепием бюрократического аппарата под названием «ООН», а также усилиям так называемых «цивилизованных стран» (США и их клиентура). Во-вторых, тот же самый распоясавшийся капитализм повсюду навязывает такое политическое убеждение, будто есть не один, а два разделенных между собой мира. Есть мир богатых и властей предрержащих и огромный мир отверженных, угнетенных, преследуемых. Это противоречие заставляет нас усомниться в реальности глобализации и внушает подозрение в отношении восходящей к ней политике — и не суть важно, «за» или «против» глобализации политики этой политики. Очень может быть, что вопрос формулируется неверно: вместо «Как построить мир, который мы хотим построить "в" и "вопреки" демократическому и капиталистическому миру?» мы должны спросить

69

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

себя: «Как твердо стоять на том, что существует только один мир — единый и неделимый мир всех на свете живущих людей, в котором утверждается — зачастую через насилие, — что такого мира нет и не было?»⁶. Вопрос о самом существовании, а не о его качестве. Прежде чем заботиться о «качестве жизни», чему предаются сытые граждане сытого защищенного мира, необходимо просто выжить, что отчаянно пытаются делать где-то там, но также все больше и здесь, миллионы животных человеческого вида.

Почему я могу сказать, что реальная аксиома господствующей политики в том, что нет никакого единого мира субъектов человеческого вида? А потому что мир, в том виде, в каком его провозглашают и навязывают всем и каждому, мир глобализации, существует исключительно в виде мира объектов и денежных знаков, мира свободного обращения товаров, финансовых потоков и рабочей силы. Именно такой мир предсказывал нам Маркс, сто пятьдесят лет тому назад: мир мирового рынка. В этом мире есть только вещи — объекты продажи и знаки — абстрактные инстру-

⁶ Тезис «Есть только один мир» лежит в основе массовых акций группы «Коллективная политика СПИДа в Африке: Франция должна обеспечить медицинскую помощь». У группы есть своя газета: «Страны, вмешательство, поток». Полную информацию см. на сайте: [entetemps. asso.fr/Sida](http://entetemps.asso.fr/Sida)

70

IV. ВОСЬМОЙ ПУНКТ

менты купли-продажи, разные виды денег, кредитов, финансовых спекуляций. Но это неправда, что в таком мире есть субъекты человеческого вида. Для начала: у них нет абсолютно никакого права свободно перемещаться и устраиваться там, где им будет угодно. В подавляющем своем большинстве мужчины и женщины этого так называемого мира, мира товаров и денег, не имеют доступа в этот мир. Они сидят взаперти вовне, там, где товаров раз два и обчелся, а денег вообще нет. «Заточение» — лучше не скажешь. Повсюду в мире воздвигают стены. Стена, разделяющая палестинцев и израильтян; стена на границе США и Мексики; «электростена» между Африкой и Испанией; в мэрии одного итальянского города додумались перегородить стеной центр и окраины! Повсюду стены — чтобы бедняки сидели по домам, под замком. Я уж не говорю о тюремных стенах, ведь тюрьмы превращены богачами в доходный бизнес, в них погрязают — под давлением все более дикого полицейского и юридического насилия — миллионы бедняков, полунищих, по большей части, молодых, зачастую темнокожих, арабов, латиноамериканцев...

Вот уже лет двадцать, как рухнула берлинская стена. Это событие стало, трезвонили по всему «свободному» миру журналисты и политики, символом единения планеты, случившегося после семидесяти лет жизнь порознь. Да, в течение этих семидесяти лет было ясно, что существуют

два мира: мир социализма и мир капитализма. Еще говорили: мир тоталитаризма и мир демократии. Итак, падение берлинской стены стало триумфом единого мира во всем мире. Но теперь-то всем ясно, что стену просто перенесли. Это была стена между тоталитарным Востоком и демократическим Западом. Сегодня это стена между капиталистическим Севером и обобраным до нитки Югом, в более общем плане — между защищенными территориями бенефициариев существующего строя и расплывчатыми просторами, где кое-как устраиваются все остальные. Внутри же «развитых» (как пока еще говорится) стран некогда существовало общепризнанное противоречие между более или менее сильным и более или менее организованным рабочим классом и верхушкой буржуазии, которая контролировала государство. Сегодня с одной стороны бенефициарии международной торговли, с другой — огромная масса «исключенных».

«Исключенный» — вот имя все тех, кто не внутри истинного мира, кто извне, за стеной или колючей проволокой: и не суть важно, идет ли речь о крестьянах, прозябающих в тысячелетней нищете, или горожанах, ютящихся в фавелах, пригородах, городках, общежитиях, самовольно занятых домах и бидонвилях. На рубеже 80-х-90-х годов века минувшего была стена идеологическая, политический железный занавес; сегодня прозрачная стена отделяет мир наслаждения богатых от

IV. ВОСЬМОЙ ПУНКТ

мира желаний бедных. Все так, будто для существования единого мира просто необходимо было разделить живые тела в соответствии с происхождением и материальным положением.

Сегодня нет места миру людей в строгом смысле там, где под завесой пропаганды глобализации, — которая служит оправданием все более и более жесткой и все более закрытой политики, — явно существуют два мира. Ценой так называемого «единого» мира Капитала стал грубый, жестокий раздел человеческого существования на две части, отделенные друг от друга стенами, сторожевыми псами, процедурами бюрократического контроля, морскими патрулями, колючей проволокой и правом высылки нелегалов.

Почему то, что политиканы и продажная пресса западных стран называют (во Франции этим выражением мы обязаны Ле Пену) «проблемой иммиграции», стало для многих заинтересованных стран непреложной основой государственной политики? Да потому что все эти пришлые, иностранцы, которые здесь живут и работают, наглядно свидетельствуют о том, что тезис о достигнутом благодаря рынку и «международному сообществу» единстве демократического мира насквозь лжив. Если бы это было правдой, мы бы встречали этих людей с распростертыми объятьями, ведь они же из одного с нами мира. Мы бы относились к ним так, будто это люди из городка неподалеку или из соседнего региона, они просто у

нас остановились, нашли работу и обосновались. Но ведь на деле все совсем не так. В нас вселяется устойчивое убеждение, которое только подкрепляется государственной политикой, что *это люди из другого мира*. Вот в чем проблема. Они являются живым свидетельством тому, что наш демократический и развитый мир совсем не является для сильных мира сего и всех сторонников господствующего капиталистического строя единым миром мужчин и женщин, которые, несмотря на то, что живут здесь и работают, как и каждый из нас, все равно считаются пришельцами из другого мира. Деньги везде одинаковые; доллары и евро в ходу по всему миру: доллары и евро, которыми расплачивается пришелец из другого мира, охотно принимаются во всех магазинах. Но вот его, или ее, пришельцев из другого мира, — не принимают. Не принимают как личность, не принимают образа жизни, происхождения: напротив, нам внушают, что он,

или она, не из нашего мира. Государственные структуры и их слепые проводники устанавливают за ними контроль, лишают права пребывания, беспрестанно подвергают критике их обычаи, манеру одеваться, семейный и религиозный уклад. Множество простодушных людей, обьятых страхом и организованных государством задаются тревожными вопросами: да сколько их тут понаехало, пришельцев из другого мира? Сотни тысяч? Миллионы? Страшный вопрос, стоит его только по-

IV. ВОСЬМОЙ ПУНКТ

ставить. Вопрос, что влечет за собой преследования, запреты, массовые высылки. Вопрос, который — при иных исторических обстоятельствах — привел к погромам и лагерям смерти.

Сегодня мы прекрасно знаем, что если мир един единством объектов купли-продажи и денежных знаков, то единения живых человеческих тел не существует. Повсюду зоны, стены, отчаянные побегии, презрение и смерть. Вот почему главный политический вопрос сегодня — это вопрос о мире, о существовании мира.

Многим кажется, что это лишь расширение демократии. Будто надо просто распространить на весь мир распрекрасную форму нашего мира, в которой существуют западные демократии и Япония. Но такое видение мира абсурдно. В основе западного демократического мира лежит свободное обращение объектов и денежных знаков. Наиболее прочно усвоенной максимой, самым главным субъективным правилом поведения является закон конкуренции — свободной конкуренции, которая заведомо влечет за собой превосходство тех, в чьих руках богатства и орудия власти. Роковым последствием этой максимы является разделение живых тел посредством и ради отчаянной защиты привилегий имущих и властей предержажших.

Сегодня мы знакомы с конкретной формой этого «расширения» демократии, которому посвящает себя «международное сообщество», то есть ко-

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

алиция жандармских государств нашей планеты. Война — вот как именуется эта форма. Война в Палестине, Ираке, Афганистане, Сомали, Африке... Итак, для того, чтобы где-то организовать выборы, следует развязать там войну: такое положение дел заставляет задуматься не столько о войне, сколько о выборах. С каким миропониманием связывает себя сегодня электоральная демократия? В конечном счете, эта демократия навязывает нам один единственный закон — закон числа электората. Равно как объединенный товарооборотом мир — закон числа денежных знаков. Очень может быть, что электоральный закон, если навязывать его через развязывание войны, как это было в Кабуле и Багдаде, возвращает нас к нашей проблеме: если мир является миром объектов и знаков, это значит, что в нем все уже сосчитано. В политике тоже любят счет. Ну а с теми, кто не считает или не поддается учету, особо не считаются: война принесет им наши счетоводческие заповеди. Более того, если вдруг счетоводческий закон даст не тот результат, который мы ожидаем, всегда будет можно, прибегнув к полицейскому насилию и войне, навязать не просто наш счет, но счет «единственно правильный», согласно которому в демократии должно выбирать исключительно демократов, то есть членов проамериканской партии, сообщества раболепных клиентов. Это можно было наблюдать, когда наши «западники» — и наши интеллектуалы в первых ря-

76

IV. ВОСЬМОЙ ПУНКТ

дах — приветствовали приостановление электорального процесса в Алжире, в результате которого победили «исламисты», или когда они же отказались признать подавляющую электоральную победу Хамаса в Палестине. Эти же самые западники не погнушались организовать военную операцию, чтобы принудить к отставке первого всенародно избранного президента Гаити Аристида. Не говоря уже о том, что движение «Хезболла», также пользующееся всенародной поддержкой в южном Ливане, считается «террористической организацией». Во всех четырех ситуациях западные «демократии»

отрекаются от собственных счетоводческих норм, обнаруживая тем самым их направленность: сохранение посредством неразличимых в конечном счете партий капиталистического строя, защита этого строя, при необходимости — посредством войны. Такова цена электорального счета, когда выборы одновременно и навязываются, и отвергаются. Гражданская война и интервенция в Палестине, жесточайшая гражданская война в Алжире, последовательная поддержка всяческих воинственных феодалов в Африке. Все это доказывает, что так воспринимаемый мир в реальности не существует. На деле есть лживый и закрытый мир, искусственно отделенный посредством насилия от общечеловеческого мира.

Подойдем к проблеме с другой стороны. Мы не можем перейти от аналитического согласия в

77

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

отношении существования мира к нормативной акции в отношении качеств этого мира. Как и всякое истинное несогласие, наше несогласие затрагивает не какие-то свойства, но сами существования. Перед лицом двух искусственных и убийственных миров, коих имя «Запад» — вот треклятое слово! — именуется разьединение, следует с самого начала принять за основу — как аксиому, как принцип — существование одного единственного мира и твердо стоять на этом. Надо высказать эту очень простую фразу: «Есть только один мир». Но фраза эта не является объективным заключением. Нам известно, что под игом денежного закона нет никакого единого мира женщин и мужчин. Есть стена, что разделяет богатых и бедных. То есть фраза «Есть только один мир» является перформативным утверждением. Мы так решили для себя. И будем верны этому решению. И тогда нам надлежит сделать крайне жесткие и трудные выводы, что следуют из этой очень простой фразы.

Первое следствие, само по себе тоже простое, касается живущих среди нас иностранцев. Чернокожий африканец, которого я вижу на кухне ресторана, марокканец, который долбит дыру в асфальте, женщина в чадре, которая присматривает за детьми в городском садике, — все они из того же мира, что и я. Это основополагающий пункт. Именно в нем мы ниспровергаем господствующую идею, согласно которой мир един в

78

IV. ВОСЬМОЙ ПУНКТ

силу объектов, знаков и выборов, она-то и ведет к войне. Единство мира в единстве живых, активных человеческих тел — здесь и сейчас. И мне надлежит испытывать на себе это единство: эти живущие здесь люди отличаются от меня языком, одеждой, религией, пищей, образованием, но мы существуем в одном мире, они просто существуют, как и я. И раз они, как и я, существуют, я могу с ними дискутировать, значит, между нами может быть как согласие, так и несогласие. Но при абсолютном условии, что они существуют в точности, как я, что значит — в одном мире.

Именно здесь может иметь место возражение о культурных различиях. Как это? Они из того же мира, что и я? Но наш мир — это совокупность всех тех, для кого «наши» ценности действительно что-то значат. Например — те, кто считает себя демократами, те, кто уважает женщин, те, кто всегда за права человека... Вот для них есть один мир. Но те, кто принадлежит противоположной культуре, не могут быть из нашего мира. Они не демократы, угнетают женщин, у них варварские обычаи... Хотят вступить в наш мир, пусть познают наши ценности. Есть же даже слово такое — «интеграция»; тот, кто приезжает откуда-то, интегрируется в наш мир. Чтобы мир африканского рабочего и наш мир, где мы хозяева, был одним и тем же, ему следует, этому африканскому рабочему, быть таким же,

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

как мы. Ему следует принять и исповедовать наши ценности.

Николя Саркози, нынешний президент Французской республики, еще в бытность

кандидатом и главой французской полиции заявил: «Если иностранцы хотят остаться во Франции, пусть полюбят Францию, в противном случае пусть уходят вон». Я сразу себе сказал: наверное, придется уезжать, ведь я ну совсем не люблю Францию Николя Саркози. Не разделяю его ценностей. В противоположность господствующему мнению я не желаю, чтобы кого бы то ни было насильно выслали из Франции, я против таких мер. По мне, если кто-то и должен обязательно уехать из страны, если и надо кого-то выдворить, то пусть это будет лучше Николя Саркози или министр Орффё, большой спец по выдворениям, чем мои африканские друзья из городских общежитий. В общем, ясно, что я не интегрирован. В действительности же, если вы выдвигаете такие условия, что африканский рабочий должен быть того же мира, что и вы, это значит, что вы уже поставили крест на своем принципе, отошли от него: «Есть только один мир живых женщин и мужчин».

В философском плане, если вы говорите: «Есть только один мир», то это значит, что этот мир — в самом своем единстве — представляет собой совокупность идентичностей и различий. Различия не только не противоречат единству миру — они являются принципом существования. Имен-

80

IV. ВОСЬМОЙ ПУНКТ

но это я называю «трансценденталью» мира, каковая является его имманентным логическим законом⁷. Трансценденталь различий, то есть идентифицирующих интенсивностей, доступна повсюду, всем и каждому, поскольку она одинакова. Если единство таково, что для того, чтобы иметь право в нем фигурировать, необходимо быть идентичным всем его элементам, значит это вовсе не «мир». Это замкнутая часть мира, который, с одной стороны, никоим образом не укладывается в ее рамки, а с другой — разъедает изнутри. Это — как если бы нам угодно было вернуться к тому, что под именем «закрытого торгового государства» являлось Фихте, — возвращение самых варварских форм умственного национализма. Даже согласно здравому смыслу, «чтобы был мир, нужно быть всем миром».

Вы мне скажите: но есть же национальное законодательство. Все правильно. Закон — это нечто другое, нежели условие. Перед законом все равны. Но закон не устанавливает условий принадлежности к миру. Это просто временное пра-

⁷ Концепт «трансцендентали» представлен — довольно обстоятельно, с использованием необходимого аналитического инструментария — в моей последней собственно философской книге «Логика миров» (*Badiou A. Logiques du monde. Paris: Seuil, 2006*). Можно, в частности, прочесть «Введение» к «Книге II», где анализируется функция этого понятия: регулировать порядок появления множественностей в мире.

81

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

вило, которое действует в каком-то определенном регионе единого мира. Закон не требует любить, ему должно подчиняться.

Разумеется, в едином мире живых женщин и мужчин могут быть законы. Но внутри него не может быть субъективных или «культурных» условий. Мир не может потребовать, что для того, чтобы жить в нем, необходимо быть таким, как все остальные. Тем более, как меньшинство этих «всех остальных», например, быть таким, как «цивилизованный» белый мелкий, ну очень мелкий, буржуа. Если мир един, то все, кто в нем живут, существуют в точности, как я, но они не такие, как я, они — другие, отличные от меня. Единый мир — это как раз то место, где существует бесконечное множество различий. Мир одинаков трансцендентально, потому что живущие в нем люди различны.

Если же, наоборот, потребовать от живущих в мире людей быть одинаковыми, то мир замыкается на себе и становится — в виде мира — отличным от другого мира. Что предваряет всякого рода разделы, разлуки, стены, контроли, презрение, смерти и — в конечном счете — войну.

Тогда можно задаться таким вопросом: что-нибудь да регулирует эти бесконечные различия? Есть ли какая-то идентичность, что вступает в диалектические отношения со всеми этими различиями? Есть только один мир, очень хорошо. Но значит ли это, что быть французом, или живущим во Франции марокканцем, или корсиканцем, или

82

IV. ВОСЬМОЙ ПУНКТ

бретонцем, или живущим в стране с христианскими традициями мусульманином, значит ли это, что все это ничего не значит перед лицом необозримого различающего единства мира живых человеческих тел? Мы понимаем, что трансценденталь единого мира служит мерилем всех этих различий, регулирует их. Но следует ли полагать, что сохранение идентичностей является для единства мира камнем преткновения? Хороший вопрос. Да, бесконечность различий является также бесконечностью идентичностей. Рассмотрим же несколько внимательнее, какого рода диалектика идентичностей начинает действовать, когда мы утверждаем существование единого мира, где различия до бесконечности соизмеряются единой трансценденталью.

И прежде всего: что такое идентичность? Самое простое определение: идентичность, или самобытность, есть совокупность черт, свойств, посредством которых индивид признает себя «самим собой», то же самое и в отношении человеческой группы. Но что это значит — «самим собой»? Быть «самим собой» значит оставлять за собой нечто такое, что пребывает — во всех характерных свойствах самобытности — более или менее неизменным в ткани различий и их изменений. То есть, можно сказать, что идентичность — это абстрактная совокупность свойств, на которых основывается некая инвариантность. Например, гомосексуальная идентичность складывается из всего

83

Ален Бадью. **Обстоятельства, 4**

того, что связано с инвариантностью возможного объекта желания; идентичность художника — из того, по чему мы признаем инвариантность его стиля; идентичность иностранного сообщества в какой-то стране — это то, в силу чего узнаем его принадлежность: язык, жесты, одежда, культура питания и т. д.

Определяемая через инварианты идентичность дважды соотносится с различием. Во-первых, идентичность есть то, что отлично от остального (статическая идентичность). Во-вторых, идентичность есть то, что не становится отличным (динамическая идентичность). На заднем плане проглядывает философская диалектика Того же самого и Другого.

Приняв гипотезу, что мы все живем в одном и том же мире, мы можем утверждать право быть тем же самым, тождественным, поддерживать и укреплять свою идентичность. Если марокканский рабочий существует, как я, он тоже может утверждать, что имеет право, равно как и я, сохранять и направлять собственные инвариантные особенности: религию, родной язык, игры, образ жизни... Он утверждает свою идентичность, отвергая навязываемую ему интеграцию — то есть просто растворение собственной идентичности в пользу другой. Ибо, если он действительно существует в мире, как я, то у него *apriori* нет никаких оснований считать, что другая идентичность чем-то лучше его собственной. Заметим при этом, что идентифицирующее утверждение имеет в «ди-

84

IV. ВОСЬМОЙ ПУНКТ

алектике того же самого и другого» два весьма различных аспекта.

Аспект первый — желание, стремление к тому, чтобы мое становление оставалось внутри тождественного, «того же самого». Это несколько в духе знаменитой максимы Ницше: «Будь самим собой». Речь идет об имманентном развитии идентичности в новой ситуации. Марокканский рабочий не будет отрекаться от того, что составляет его индивидуальную, семейную и коллективную идентичность. Он будет все это мало-помалу творчески переосваивать там, где существует в настоящее время. Так он придет к

изобретению самого себя — марокканского рабочего, который живет в Париже. Можно сказать, что он будет творить самого себя в виде субъективного движения, исходя из ситуации марокканского крестьянина с севера страны и подхода к положению жителя Франции. Без какого-то внутреннего слома. Посредством растяжения, расширения своей идентичности.

Второй способ утверждать свою идентичность является негативным. Он сводится к отчаянной защите следующего тезиса: «я — не другой». Порой это просто необходимо: например, когда Саркози настаивает на авторитарной интеграции. Марокканский рабочий будет твердо стоять на том, что его традиции и обычаи всегда будут отличаться от традиций и обычаев мелкобуржуазного европейца. Он будет даже подчеркивать свою

85

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

непохожесть, религиозные или бытовые черты своей идентичности. Встанет в оппозицию к западному миру, превосходство которого для него неприемлемо.

В конечном итоге, различие в идентичности за-действуется двойко. В плане утверждения: тождественное удерживается в собственной силе различения, что есть творчество, созидание. В плане отрицания: тождественное защищается от разлагающего вторжения другого. Хочет сохранить свою чистоту. В любой идентичности играет диалектика творения и очищения. В силу этой диалектики в различных местах мира имеют место быть смещения идентичностей и расторжения различий, из чего и складывается открытая история самого места.

Для того, чтобы вписать политику освобождения в контекст мест — стран, например, — нет лучше способа, чем с самого начала выдвинуть это утверждение: есть только один мир. Имманентные следствия этой аксиомы обязывают нас к политическим действиям, которые опираются на безразличие различий, что значит: политика есть исполнительный механизм для укрепления того, что есть универсального в идентичностях. Говоря более конкретно, я могу поспорить с марокканским рабочим или приехавшей из Мали многодетной матерью о том, что мы можем сделать вместе, чтобы иметь возможность утверждать, что мы существуем — вместе, в одном и том же мире, хотя под знаком отличных друг от друга идентичностей.

86

IV. ВОСЬМОЙ ПУНКТ

Например, уже упоминавшееся «Собрание проживающих в городских общежитиях нелегальных рабочих» выступило с призывом провести 22 марта 2007 г. «День дружбы с иностранцами». День «дружбы» — понятие, которое, разумеется, может иметь нехорошие отзвуки, поскольку взывает к обветшавшим формам старого гуманизма, но в данном контексте оно обладает политическим звучанием. Ведь друг — это просто человек, что существует наравне с вами, в том же самом мире. В тот день граждане французской национальности и живущие во Франции иностранцы открылись друг другу подвижностью своих идентичностей. Они собрались вместе, чтобы обсудить различные способы проживания в одном и том же мире. Прежде всего, они потребовали отмены законов, в силу которых воздвигаются стены, узакониваются преследования, облавы, высылки⁸. В силу которых иностранцы предаются в лапы полиции.

⁸ Во Франции самым важным моментом политической работы — в том, что касается нелегальных рабочих, — является борьба за немедленную и безоговорочную отмену закона, состряпанного на кухне Саркози, — «Кодекса въезда и пребывания иностранцев и права на убежище». Этот закон выделяется даже на фоне всех прочих репрессивных и нелегитимных законопроектов, инициированных Саркози и его верным оруженосцем Ортфё: закон просто злодейский. Детальный анализ позорного текста закона был опубликован в качестве приложения к уже упоминавшейся газете «Le Journal Politique».

87

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

Потребовали, чтобы присутствие во Франции миллионов иностранцев подпало наконец под действие простой идеи, что они здесь, что они существуют наравне с нами. Достаточно просто дружески удостовериться в этом существовании, пытаться как-то урегулировать его, сделать нормальным. Выдать им необходимые документы, основываясь на том, что кто-то здесь работает, у кого-то здесь учатся дети, кто-то болен и не может получить медицинской помощи в Африке, кто-то оказался здесь по семейным или политическим обстоятельствам. Сделать все, что естественно сделать в помощь людям, каковые в сущности разделяют с вами ту же самую экзистенциальную ситуацию, людям того же самого мира.

На этом коллективном маршруте мы превращаем свои «идентичности» в своего рода испытательный стенд, переводим их в план универсального политического опыта. Обращаясь перспективой единого мира, идентичность становится опорой того, что маоисты называют «обмен опытом». Коренной житель узнает от «номада», как он, прибыв из другого места, видит политику нашей страны, как думает участвовать в ее изменении; временно или недавно обосновавшийся во Франции человек узнает от коренного француза, как тот пытается изменить ее, эту политику, и как определяет место тех, кто будет включаться в будущем в это сражение. В этом «обмене опытом» рождаются новые, непредвиденные идеи. И фор-

88

IV. ВОСЬМОЙ ПУНКТ

мы организации, в которых различие между иностранцами и местными перестает быть механизмом разделения, поскольку полностью подчиняется общему убеждению: есть только один мир, в котором мы существуем наравне друг с другом. В этом мире идентичности могут предоставить материал для полезного обмена опытом, при том условии, что мы совместно участвуем в общих политических действиях. Итак, подытожим сказанное в четырех следующих пунктах:

1. «Мир» разнузданного капитализма и богатых демократий является ложным. Признавая единство только в товарах и денежных знаках, он отбрасывает большинство человечества в обесцененный «другой мир», от которого отгораживается стенами и войной. В этом смысле сегодня нет никакого мира.

2. Из чего следует, что утверждение «есть только один мир» является принципом действия, политическим императивом. Это также принцип равенства различных существований в любом месте единого мира.

3. Принцип существования единого мира никоим образом не противоречит бесконечной игре идентичностей и различий. Просто в том случае, если он становится аксиомой коллективного действия, требуется, чтобы идентичности подчинили свою негативную направленность (оппозиция другому) направленности позитивной, утвердительной (развитие того же самого).

89

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

4. В том, что касается существования в нашей стране тысяч иностранцев, перед нами три цели: мы должны противостоять авторитарной интеграции, ограничить замкнутость сообществ и порождаемые ею нигилистические тенденции; развивать универсальные виртуальности идентичности. Конкретная связка трех целей составляет важнейшую политическую задачу современности.

Касательно сокровенной связи между политикой и вопросом об иностранцах, каковая на сегодня является нашей насущной необходимостью, следовало бы перечитать один поразительный текст Платона а самом конце Книги девятой «Государства». Молодые собеседники Сократа говорят ему примерно следующее: «То, что ты рассказал нам о политике, все это так, все это очень хорошо, но все это невозможно. Человек не захочет тогда заниматься государственными делами». На что Сократ отвечает: «Клянусь

собакой, очень даже захочет, но только не у себя на родине, а где-то в другом месте»^x. Как если бы политика сама по себе требовала экспатриации, изгнания, иноземности, другого места. Давайте помнить об этом, когда будем участвовать в политических акциях вместе с иностранными студентами, рабочими из городских общежитий, молодежью из пригородов. Сократ прав: то, что они иностранцы и являются носителями отличной культуры, вовсе препятствие. Наоборот! Осуществление истинной политики в определенном месте единого мира,

90

IV. ВОСЬМОЙ ПУНКТ

здесь и сейчас — к чему мы все стремимся — в самой своей возможности требует людей не отсюда.

В начале 80-х годов прошлого века один французский министр-социалист заявил, выражая в цивилизованной форме идею Ле Пена: «Иммигранты — это наша проблема». Мы должны переиначить эту формулировку: «Иммигранты — это наш шанс!». В наших подуставших западных государствах массы иностранных рабочих и их дети свидетельствуют о молодости мира, его просторах, бесконечном разнообразии. Именно с ними можно прийти к политике будущего. Без них мы сгинем в пучине нигилистического потребления и полицейского строя.

Иностранцы могут нас научить тому, как стать иным по отношению к самому себе, как проецировать себя вовне — дабы вырваться из пут затянувшейся истории белого западного человека, которая подходит к концу и от которой не приходится ждать чего-то другого, кроме бесплодия и войны. Наперекор этим катастрофическим, нигилистическим ожиданиям, втянутым в так называемые вопросы государственной безопасности, будем приветствовать иностранность завтрашнего дня.

91

V

ПРИ ТАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, МУЖЕСТВО...

Все названные мной пункты, а также те, к которым вы сами придете, возвращают нас к тому, что я назвал главной добродетелью текущего момента, — мужеству. Ибо в субъективном плане возведение бессилия в ранг невозможного — это вопрос мужества. То есть нужно набраться мужества и отречься от правила выживания человеческого животного, этого жалкого существа, вознесенного до небес под именем «индивид», — во имя того, чтобы твердо держаться пункта, через который может быть реализована процедура истины.

В первой книге «Семинаров» Лакана есть одно место, которое мне очень нравится, — где он задается вопросом, не следует ли завершать психоаналитическое лечение диалектическими диалогами о мужестве и справедливости. Наподобие

92

V. ПРИ ТАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, МУЖЕСТВО...

платоновских, говорит он. Эта ссылка на Платона удивительна, ведь Лакан определяет главные цели психоанализа. Мужество упоминается в контексте возведения бессилия в ранг невозможного. Что требует от нас переопределения мужества.

Что такое мужество? Перечитайте замечательный диалог Платона «Лахет», который, собственно, и посвящен определению мужества. По этому вопросу Сократ обращается, как и положено, к специалисту: полководцу Лахету. Полководец отвечает примерно следующее: «Не долго думая, отвечу: мужествен тот, кто, оставаясь на своем месте в строю, сражается с неприятелем и не бежит с поля боя»^{x1}. Сократ, разумеется, не совсем удовлетворен: «Это ты верно говоришь, Лахет, если, правда, иметь в виду один из примеров мужественного поступка. Возможно, моя вина в том, что ты свел мужество к единичному случаю, поэтому уточним вопрос: я прошу тебя определить существо добродетели мужества». После чего диалог продолжается, как всегда, чрезвычайно сложный, по ходу дела Сократ перебирает такие понятия, как «малодушие», «отсутствие

мужества», «опасность», добиваясь тем самым устранения ложных представлений о мужестве.

Итак, вступив на стезю Лахета и Сократа, рискну предложить собственное определение мужества. Прежде всего, это безусловно добродетель. Ведь мы ищем мораль — мораль, что нужна нам на это время — на штормовое время Николая

93

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

Саркози, — чтобы мы не ощущали себя ни подавленными, ни крысами. Нам нужно знать, как в эту грязную пору следует себя вести, как сохранить достоинство, быть добродетельным, остаться защитником грядущих истин.

Итак, я определяю мужество как добродетель, которая обнаруживает себя в твердой решимости держаться невозможного. Речь не только о том, чтобы идти навстречу невозможному, экспериментировать с ним. Это всего лишь героизм, героический момент. Героизм всегда легче мужества. Героизм — это когда ты лицом к лицу с невозможным. Героизм всегда связан с позой — часто возвышенной, поскольку это всегда такой момент, когда ты поворачиваешься к невозможному, то есть надлежащему лику реального, и оказываешься с ним лицом к лицу. Мужество отличается от героизма, поскольку это добродетель, а не момент и не поза. Добродетель создается, выстраивается. Следует понять, что для нас — материалистов события и исключения — добродетель никогда не сводится к тому, что мы уже имеем, к своего рода предрасположенности, в силу которой, например, бывают люди мужественные и люди трусливые. Добродетель проявляется в практиках, в которых, мы, невзирая на законы мира и поддерживающие их мнения, выстраиваем свое особое время. Если героизм — это субъективная фигура сто-яния-лицом-к-лицу с невозможным, мужество есть добродетель твердости в испытании неизвестно-

94

V. ПРИ ТАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, МУЖЕСТВО...

го. Мужество — это не момент, не точка, не пункт, это удерживание пункта. Мужества требует именно то, что вы держитесь во временной длительности, которая отличается от длительности, навязанной законом мира. Время — вот материя, сырье мужества.

Эту идею можно высказать и иначе, как нельзя более глупо, на первый взгляд: мужество — это когда вы не слишком быстро теряете свое мужество. Следовало бы сказать *«растеряете»*, чтобы подчеркнуть этот момент длительности и воспринимать мужество как добродетель, действующую исключительно во времени: мужество выливается в практику мужества, каковая противостоит всякому лишению мужества. Наши друзья-рабочие, приехавшие из Африки, выражают это очень хорошо на языке собственного изобретения, одновременно и точном, и сочном. Они говорят, что цели политической работы в том, чтобы «омужествлять» людей. Но следует также признать, что когда ситуация действительно незавидна, как сейчас, после избрания Саркози, многие из тех, с кем они встречаются, «не имеют мужества». Добродетель «мужества», они это прекрасно знают по своей организованной политической деятельности, не есть состояние души, мужеством люди именно проникаются, то есть, мужество — скорее глагол, имя действия, — чем имя существительное.

После избрания Саркози мужество требуется, чтобы вытащить себя из состояния бессилия, о ко-

95

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

тором свидетельствует депрессивный аффект. Однако внимание! Истинное мужество не в том, чтобы набраться мужества начать с начала, заново выстроить то, что было. Мужество продолжать быть мужественным никоим образом не сводится к мужеству сохранять то, что было разрушено. «Перестройка левых сил», «реформа»

социалистической партии — для нас это пустые слова! В этом деле нельзя быть действительно мужественным, ибо в любом повторении вы лишаете себя мужества, обескураживаетесь.

В этом пункте необходимо внимательнее рассмотреть диалектику мужества. И для начала напомнить, что для того, чтобы в кого-то вселилось мужество, требуется толика героизма. Прежде всего, надлежит обратиться к какому-то пункту. Следует героически принять распад индивида в стоянии на этом пункте. Есть тут момент героизма. Героизма не обязательно величественного, воинственного (хотя временами требуется и такой). Но требуется, как минимум, повернуться лицом к какому-то исключительному пункту, следует *принять* этот поворот, в ходе которого мы избегаем гнетущих интересов нашей индивидуальной животной жизни. Это поворот, в котором индивид деиндивидуализируется, Платон называл «обращением». Диалектическое обращение, как он его понимает, отвращает нас от реальности, чтобы поставить лицом к лицу с тем реальным, каковое Платон именуется «идеей». Такого

96

V. ПРИ ТАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, МУЖЕСТВО...

рода обращение, будучи всецело рациональным, является героическим в том смысле, что оно производит разрыв во временной ткани реальности. Именно в этом смысле для перестройки, переделки, повторения чего бы то ни было не требуется добродетели мужества. Нужно иметь смелость начать с начала и пытаться вернуться то, что когда-то было, но это не мужество.

Сразу после избрания «человека-с-крысами» меня поразил громадный заголовок еженедельника «Марианна»: «Не бойтесь!». Меня это очень заинтересовало. По-своему заголовок был вполне правомерен, он говорил о страхе как родовом элементе сложившейся ситуации и призывал, по всей видимости, к мужеству. Но содержание, которым республиканский еженедельник наполнял понятие мужества, сводилось, как обычно, к необходимости строительства подлинно левых сил, этой притче во языцех. Итак, заводит свою обескураживающую песню «Марианна», нужно, с одной стороны, поставить крест на всякого рода вольнодумстве (имеются в виду, понятное дело, идеи Мая 68-го, пункт, в котором республиканцев «Марианны» прямо не отличишь от властей предержавших и иже с ними крыс), а с другой — не сдаваться, стоять, расчищать вокруг себя почву, перестраиваться! Но это никакое не мужество — заклиниться на чем-то, вечно, будто проклятый Сизиф, вкатывать в гору свой камень. Мужество, о котором я здесь говорю, другого

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

рода: его исток в том героическом обращении, когда мы подходим к пункту, которого еще никогда не было, к тому реальному, что сплетается из нитей невозможного. Мужество берет начало в этой точке героического обращения, когда отрезаешь от себя все мнения, не переносишь никакой ностальгии, хотя в сущности своей мужество выливается в дисциплинированное соблюдение тех последствий, что вытекают из стояния на этом пункте. Но когда что-то начинается с какой-то точки, с какого-то пункта, не следует это начинание соизмерять с глобальной ситуацией. Когда вы формируете свою собственную длительность, начало которой в какой-то точке, ваше местоположение не соприкасается напрямую с глобальной ситуацией.

Нанесенный нам удар — избрание Саркози — глобального свойства, он затрагивает состояние государства, то есть то, что я называю состоянием ситуации. Он глобален настолько, что долгое время может остаться неощутимым. Мы еще не понимаем его самых значимых моментов, не можем точно локализовать участки поражения, не знаем, что будет дальше. Просто есть такое чувство, будто тебя ударили, а ты бессилен. На уровне глобального восприятия ситуации пока нет средств излечиться от этого бессилия. Ибо глобальный рецепт слишком хорошо известен — это старая песенка о «восстановлении левых сил». Она зовет к ушедшим в прошлое нравам, призы-

V. ПРИ ТАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, МУЖЕСТВО...

вадет латать старые дыры, перелицовывать парламентские сюртуки, иными словами, к обескураживающему воспроизведению тех самых обстоятельств, которые спровоцировали бессилие.

Здесь перед нами возникает великий закон временной морали: когда удар столь глобален, мужество может быть исключительно локальным. Именно с какой-то определенной точки вы начнете возвращать к жизни некую возможность жить, не теряя душевных сил в депрессивных последствиях полученного удара. Откуда еще одно определение мужества: мужество локализует, ориентирует нас в ситуации глобальной дезориентации.

Итак, субъективную ситуацию нашей страны можно описать следующим образом: дезориентация умов, элемент бессилия, все это нарастает уже с давних времен, по меньшей мере, с эпохи Миттерана, известного путаника, большого спеца по организации всевозможной путаницы. Но с избранием Саркози, когда к всеобщей апатии примкнула партия крыс, всеобщая дезориентация приобрела свой символ и формы разрыва, каковые определяют отныне закон ситуации. При таких обстоятельствах императивом может быть только локальная ориентация — по пунктам, только в этом случае возможно восстановление мужества.

При таких обстоятельствах локальное мужество способно нанести урон глобальной диспозиции, коей Саркози — не более, чем имя, имя государственное. Но что же это за диспозиция?

99

VI

«ПЕТЕНИЗМ» КАК ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬ ФРАНЦИИ

Мы ищем аналитический элемент, имеющий отношение к особой природе дезориентации сознаний, коей Саркози не более, чем имя. Мне бы хотелось в этом пункте более детально рассмотреть уже представленную гипотезу, согласно которой эта самая дезориентация, если подходить к ней в ее глобальном, историческом, умопостигаемом измерении, обязывает нас вернуться к тому, что следует назвать петенистской трансценденталью Франции.

Уточним интеллектуальную природу гипотезы. Я не хочу сказать, что нынешние обстоятельства напоминают нам поражение 1940 г., а Саркози — маршала Петена. Ничуть. Я говорю, что бессознательные, историко-национальные истоки субъективности масс, что выводят Саркози во власть и поддерживают его действия, восходят к

100

VI. «ПЕТЕНИЗМ» КАК ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬ ФРАНЦИИ

петенизму. Именно это я и называю трансценденталью: нечто такое, что, не выходя на поверхность (вот почему наша ситуация «не напоминает» о периоде правления Петена), издали задает конфигурацию, закон и порядок коллективной диспозиции. Я уже использовал этот концепт (см. прим. 8), объясняя, что такое предписывающее высказывание: «существует только один мир».

В нашем случае, если мы называем эту трансценденталь «петенистской», то это избавляет нас от того, чтобы называть ее (что будет слабо) «антидемократической» или «бонапартистской» (это характеристики левого толка) или (что будет преувеличением) «фашистской» и «профашистской» (характеристики крайне левого толка, гошистские).

Я предлагаю считать, что «петенистской» является трансценденталью государственных и катастрофических форм дезориентации. Мы имеем дело с всеобщей дезориентацией, она представляет собой некий поворот в ситуации, она с важностью, с церемонностью действует во главе государства. С этой точки зрения, которая остается формальной, у нас существует национальная традиция петенизма, уходящая корнями в далекие, еще допетеновские времена. В самом деле, во Франции петенизм начинается

Реставрацией 1815 г. Постреволюционное правительство прибывает в заграничных обозах, оно пользуется сильной поддержкой эмигрантов, свергнутых классов, преда-

101

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

телей и оппортунистов всех мастей, начинает действовать с молчаливого согласия подуставшего народа. Правительство заявляет, что настал конец кровавой анархии революций и войн, что порядок будет восстановлен, мораль поднята на щит. Эта типично французская матрица постоянно дает о себе знать в нашей истории. В 1940 г. мы снова встречаемся с катастрофической фигурой военного поражения, именно она служит поводом для всеобщей дезориентации, каковая находит выражение, частности, в: 1) правительстве, которое установлено за границей, но только и вещает о «нации»; 2) олигархах, которые коррумпированы до мозга костей, но претендуют на то, что вытащат страну из великого морального кризиса; 3) авантюристе, престарелом царьке, дряхлом полководце или изворотливом политикане, в любом случае, подручном отечественных толстосумов, который выставляет себя истинным носителем национальной энергии.

Разве сегодня перед нами не мельтешат черты того же самого рода — никчемное воспроизведение исторических состояний глубокой депрессии, в которую Франция сама себя загоняет?

Прежде всего, «петенистская» ситуация отличается тем, что капитуляция и рабская покорность выступают в виде устремления к новому, революции, возрождению. Чрезвычайно показательным, что Саркози провел свою избирательную кампанию, используя мотив разрыва с прошлым. Пере-

102

VI. «ПЕТЕНИЗМ» КАК ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬ ФРАНЦИИ

лом, глубокие реформы, комариное мельтешение: Саркози провозглашает, что преодолет моральный кризис Франции, вернет ее к труду. Согласитесь, это просто здорово, что мэр Нейи в своем костюме-тройке нисходит до того, что заявляет людям, это при их-то состоянии: «Я-то верну вас к труду!!!». Будто буржуа XIX в., который журит бонну. Так нет: перелом, обновление. Очевидно, что в виду имеется безоговорочное подчинение князькам глобализованного капитализма. Военные операции в ведении американцев, внутренняя политика в руках крупных финансистов. Удар приходится по слабым, бедным, пришлым. «Перелом» — на самом деле никакой не перелом, а нескончаемое пресмыкательство, выступающее под видом политики национального возрождения. Типично петенистская ситуация: раболепие перед властью имущими сегодняшнего дня (нацисты-победители и их сообщники из стана крайне правых) именуется Вождем не иначе, как «национальная революция»! В довершение капитулянтства и добровольной угодливости все как один твердят о моральном подъеме и грядущем обновлении. Надо вставать с петухами, тогда дезориентация будет беспросветной. Такой расклад присущ, как мне думается, только нашей истории, чего-то похожего не наблюдается среди других народов, по крайней мере, среди тех, что претендуют на ведущую роль на мировой сцене, как это и было с Францией в 40-е годы. Вряд ли такого рода сво-

103

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

еобразии может стать мотивом национальной гордости. ..

Вторым критерием петенизма является мотив «кризиса», «морального кризиса», оправдывающего все принимаемые во имя обновления страны меры. Констатируется национальный упадок, угрожающий нации декаданс, которым следует любой ценой воспротивиться. Это упадничество (сегодня любят говорить — «этот закат») списывается на кризис морали: неразличение добра и зла, обесценивание ценностей труда, семьи, родины. Коль скоро кризис затрагивает мораль, подъем никоим образом не подразумевает использование энергии политической мобилизации масс, от которой, наоборот, должно

защищаться самым эффективным образом, прибегнув к драконовским полицейским мерам. Как всегда происходит в подобных ситуациях, мораль подменяет политику, выступает против политики, в особенности жестко — против политики, проводимой людьми из народа. Вот и звучат призывы к моральному оздоровлению, труду, семейному предпринимательству — всецело петенистская терминология, направленная на то, чтобы можно было сказать: «Вот государство, оно за все ответе, ведь наш народ переживает моральный кризис». В потемках повсеместного кризиса должно чествовать отдельных индивидов, которые, откликаясь на призывы государства и его главы, делают невероятные усилия, направленные против «заката». Напри-

104

VI. «ПЕТЕНИЗМ» КАК ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬ ФРАНЦИИ

мер, с радостью переходят на шестидесятичасовую рабочую неделю. За что получают по шоколадной медальке. «Каждому по заслугам», как любит говорить «человек-с-крысами».

В том, что касается этой типично петенистской диалектики морали и политики, следует прямо сказать, что уже давным-давно, в конце 70-х годов прошлого столетия, на нее усердно поработала уже упоминавшаяся клика «новых философов»: это они «морализировали» историческое суждение, это они подменили основополагающее противоречие между политикой равноправного освобождения и политикой неравноправного консерватизма чисто моральной оппозицией государств деспотичных, жестоких, авторитарных и государств правовых, забыв, правда, объяснить нам, где лежит исток умопомрачительных кровавых побоищ, свершенных по всей планете этими самыми «правовыми государствами» за последние сто пятьдесят лет. Цель этого морализаторства исключительно политическая. Нас хотят уверить в том, что за нынешнее положение вещей ответ несут не главные служители мирового капитала и их прихлебатели из числа политиканов и журналистов, а простые люди, «мораль» обычных граждан. Саркози объясняет нам, что моральный кризис, в котором погрязла страна, который не обещает нам ничего, кроме «заката», является — не трудно догадаться — результатом Мая 68-го. А Май 68-го — дело рук студентов, рабо-

105

Ален Бадью. **Обстоятельства, 4**

чих, интеллектуалов. Май 68-го просто изводит Саркози и его крыс, ведь они полагают, будем считать небезосновательно, что люди продолжают в той или иной мере в него верить или хотя бы вспоминать. Вот почему агентами тяжелого морального кризиса, поразившего страну, являются, со слов «человека-с-крысами», молодежь из пригородов и рабочие иностранного происхождения. Закат Франции, страна вот-вот сгинет в бездне — всему виной эти отбросы, паршивцы. На наше счастье у нас есть Николя Саркози, есть государство, они всегда на страже. Они возьмут на себя бремя операций по обновлению страны, по окончательному разрыву с прошлым. «Моральный кризис» — это предлог для чрезвычайных полномочий государства, оно возместит безответственность подданных, особенно самых обездоленных, самых слабых. Но как может государство со своими государственными мерами исправить человеческую мораль? Это мало кто понимает. Зато все точно знают, что нужно принять самые энергичные меры, во всяком случае, будьте готовы. Вся эта морализаторская дребедень сводится к старой песенке: полиция, правосудие, контроль, высылки, убогие законы и укрепление пенитенциарной системы. А под шумок — богатые продолжают богатеть, что и требовалось доказать.

Третий критерий петенизма: парадигматическая функция заграничных примеров. Нужно усваивать зарубежный опыт: иностранцы все делают лучше

106

VI. «ПЕТЕНИЗМ» КАК ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬ ФРАНЦИИ

нас, они уже давно все у себя обновили, бесстрашно преодолели все кризисы. В «хороших» странах уже покончили со всеми деморализующими элементами! Пришла

наша очередь. Для маршала Петена «добрыми» иноземцами, усмирившими у себя виновников морального кризиса и декаданса — евреев, коммунистов, полукровок, интеллектуалов-прогрессистов и т. п., — были фашисты. Гитлеровская Германия, Италия Муссолини и франкистская Испания воспрянули духом: мы тоже, следуя этим величественным моделям, должны воспрянуть. Это просто наваждение какое-то — апеллирование к подъему иностранцев, который должен стать матрицей нашего собственного подъема. Тут в ход идет определенная политическая эстетика, теория модели и подражания. Наподобие платоновского демиурга государство должно моделировать общество, уставившись во все глаза на фашистские модели: только так можно вытащить общество из пучины кризиса. К выгоде государства и его неутомимого спасителя, теория модели, эта эстетика модели, о которой Филипп Лаку-Лабарт⁹ напи-

⁹ Лаку-Лабарт ушел из жизни несколько месяцев тому назад. Нам страшно не хватает его в эти трудные времена. Перечитаем «Подражание новых» (*L'Imitation des modernes* (Galilée, 1986)), эту восхитительную книгу, где детально проанализированы идеологическая функция модели и ее воспроизводства в форме неизбежно профашистского шва, связывающего политику и искусство.

107

Ален Бадью. **Обстоятельства, 4**

сал исключительно важные вещи^{ли} и в сравнении с которой нынешние потуги — не более, чем убогие копии, служит лишь для прикрытия пассивной реконфигурации, которая никоим образом не нуждается в энергии действующих лиц. Именно в этом заключается смысл нескончаемых призывов, в которых наши новые реакционеры ставят нам в пример американские университеты и экономический курс Буша, умопомрачительные реформы Блэра и даже самоотречение китайских рабочих, которые спокойно себе трудятся по двенадцать часов в день за чашку риса. «Французы, еще одно усилие и вы будете абсолютно современными, как наши соседи и соперники!» Иностранная модель означает следующее: мы преодолеем «моральный кризис» не иначе, как прибегнув к новым и мощным рычагам — полиции, репрессиям, жестким ограничениям права на забастовку, сокращению государственных расходов и всем прочим константам друзей порядка, всегда готовых выжать все соки из массы простых людей. Вот тогда-то и можно будет отпраздновать возвращение морали — когда богатые станут сверхбогатыми, а бедные — беднее некуда.

Четвертая и крайне важная характеристика петенизма — в пропаганде, согласно которой с нами недавно произошло нечто исключительно пагубное, что лишь усугубляет моральный кризис. Здесь перед нами капитальный пункт. Пете-нистская пропаганда всегда вещает, что причи-

108

VI. «ПЕТЕНИЗМ» КАК ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬ ФРАНЦИИ

ной морального кризиса и заката стало какое-то гибельное событие, неизменно связанное с народными выступлениями. Для петенистов времен Реставрации это, само собой, Революция, Террор, казнь короля. Для петенистов времен Оккупации таким бедствием был Народный фронт, правительство Леона Блюма и массовые выступления рабочих, захватывавших заводы. Неслыханные беспорядки нагнали страху на имущих страны. Они до сих пор дрожат. Лучше немцы, лучше нацисты, лучше кто угодно — только не Народный фронт. Откуда и все эти речи о том, что Народный фронт есть исток и символ глубокого морального кризиса, которому должно противостоять, — призвав на помощь нацистов-доброхотов, — посредством национальной революции. Для нынешнего президента именно Май 68-го в ответе за кризис ценностей, который требует основательной перестройки — по модели Буша и Блэра — всей нашей несчастной страны, уже вступившей на путь ускоренной дезинтеграции. В петенизме всегда наличествует исторический элемент, объединяющий два события — событие негативное, как правило, народного, рабочего характера, и относящееся к государственной структуре событие

позитивное, электоральное и/или военное. Петенизм, и в этом одна из самых сильных его сторон, всегда предлагает упрощенное прочтение истории. Упрощенчество Саркози простирается на довольно большой исторический период, лет

109

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

сорок, — от Мая 68-го, апогея декаданса, до «человека-с-крысами» собственной персоной, апогея обновления. Здесь источник легитимности нового правительства, поскольку любая легитимность такого рода определяется связкой между государством и историей. Государство представляет себя в виде первостепенного исторического субъекта, поскольку только оно, как должно всем представляться, осознает в должной мере необходимость обновления страны, определяемую в отношении изначального губительного события.

Пятый элемент петенизма имеет расовый характер. При Петене он был выражен как нельзя более ясно: покончить с евреями, полукровками, неграми... Сегодня он проговаривается не столь прямо, но имеющий уши да услышит: «Мы не низшая раса (имеется в виду: в противоположность другим). Франция не нуждается в том, чтобы ее учили. Все, что сделано Францией, всегда было благом. Истинный француз не усомнится в легитимности действий своего государства». Саркози явно продвинулся в этом направлении, приведя французов в пример африканцам. Он дал понять, что им далеко до французов и что если они нищенствуют у себя в Африке, то по собственной вине, и потому пусть там и остаются. У нас, французских французов, есть свои задачи, свои ценности, своя судьба и свое существование: все усилия французской нации посвящены этому. Да, нам нужны подметальщики улиц, мусорщики и землекопы... Они

110

m

VI. «ПЕТЕНИЗМ» КАК ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬ ФРАНЦИИ

будут проходить отбор: сообразуйте не рыпаться, задумайтесь о своей очевидной неполноценности, вы же так и не интегрировались... Как и во времена Петена, нашлась клика доморожденных интеллектуалов, которые рукоплещут расистским выпадам «человека-с-крысами».

Подытожим пять формальных характеристик, определяющих петенистскую трансценденталь. Во-первых, всеобщая дезориентация, спровоцированная явным извращением реального содержания деятельности государства: говорят о революции, а подразумевается черная реакция; говорят об обновлении, а на деле верх берет капитулянтство; говорят о новых свободах, тогда как кругом царит рабление. Во-вторых, антиполитическая тема морального кризиса: народ изнемогает от кризиса, у государства полностью развязаны руки, оно живо организует новые формы репрессий. В-третьих, тема губительного события, которое порождает и символизирует моральный упадок страны: как правило, это эпизод истории, отмеченный рабочими и народными выступлениями (Революция в робеспьеровской фазе, Парижская коммуна, Народный фронт, Май 68-го). В-четвертых, парадигматическая функция заграничного примера, значение иностранной модели обновления, самые видные зарубежные образцы крайней реакции. В-пятых, различные вариации на тему превосходства нашей цивилизации над иноземными народностями (например, африканскими), но

111

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

также и над внутренними «меньшинствами» (молодые арабы, например).

Исходя из этих критериев, мы должны не колеблясь признать, что фигура Николя Саркози восходит к петенистской трансцендентали.

112

VII НЕПОДКУПНЫЙ

Что же будет дальше с этим ползучим петенизмом? На повестке дня —

укрепление защиты личных состояний и их передачи: отмена права наследования, снижение или даже упразднение налогов на сверхдоходы и недвижимость, импульс для всевозможных спекуляций. После нескольких реверансов и подачек в пользу левых недобитков начнется настоящая война — коварная и жестокая — против народа, в частности, против семьи и самых незащищенных слоев населения. Пусть народ сидит по домам. Пусть знает свое место. У каждого свое место. Каждому по заслугам. Апология заслуг, именно так и никак иначе: каждый имеет то, что заслуживает: сидит в самой дыре, значит, это заслужил. А между тем внутри страны — большие полицейские маневры, а под шумок — всякие темные делишки; за рубежом — тоже подозрительные делишки и военные аферы.

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

Бесконечные «дела», тайная дипломатия, интриги, а в довершение всего выставление на показ богатства, потенциально безграничного мира, открываемого богатством, — все это составляет одну из самых броских черт режима Саркози: судя по всему, он думает, что все и вся кругом продажны. Наступил момент — и он, похоже, ставит себе это в заслугу — показать всем, что коррупция — не какой-то частный порок, а само сердце нашего мира. Покупайте, продавайтесь: теплые местечки, должности, яхты, роскошные подарки! А что вы имеете против, дорогие мои? Саркози открывает новую страницу в истории связи власти и денег: искоренение самой мысли, что можно быть, как во времена Робеспьера, «Неподкупным». Но о каком, собственно, подкупе, какой такой коррупции идет речь?

Коррупция¹⁰ является классической темой антипарламентской пропаганды, в частности, это неизменная уловка крайне правых сил: в Третьей республике — Панамский скандал и «дело Ста-виского»; в Четвертой — валютные спекуляции; в Пятой — скандалы Тапи, Нуара, Дюма и даже, чего доброго, самого Ширака. «Все продажны» —

¹⁰ В этом разделе о сущности коррупции в представительных демократиях развиваются положения моей статьи, которая была заказана редакцией еженедельника «Le Nouvel Observateur», отказавшейся затем ее опубликовать.

114

VII НЕПОДКУПНЫЙ

таков слоган медиатической инсценировки, выставяющей на всеобщее обозрение связи между деньгами и политикой. Разумеется, вовсе не в этом жанре, не в этом языковом регистре я говорю о коррупции; не так говорил о ней в свое время и Робеспьер. Впрочем, он уже давно не занимает общественное мнение, тем более, электорат. Уже не сосчитать всяких там мэров, государственных советников, прочих видных лиц, которые были обвинены или заподозрены в коррупции в узком смысле слова, а потом с триумфом переизбирались на свои посты: вспомним хотя бы о каноническом примере четы Балькани. Как хотелось в 2002 г. противопоставить «добродетельного Жос-пена» «коррупционному» (по слухам) Шираку. Ни хвала, ни возмущение не помешали тому, что в ходе первого тура президентских выборов и тот, и другой были немало озадачены. Наверное, следует начать издалека. И свысока.

На дворе 1793 г., Революция в опасности. Сен-Жюст спрашивает: «Чего хотят те, кто не приемлет ни Трора, ни Добродетели?». Вопрос приводит в замешательство, но ответ дается термидорианцами: они хотят, чтобы был допустимым некоторый уровень коррупции. Выступая против революционной диктатуры, он хотят «свободы», то есть: права заниматься делами, проворачивать аферы, смешивать аферы и государственные дела. Таким образом, они выступают и против «террористических» и «свобододушительных» репрессий

115

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

в отношении всякого рода сомнительных дельцов, и против добродетельной

обязанности принимать во внимание исключительно общественное благо. Уже Монтескье отмечал, что демократия, передавая всем частичку власти, подвергает себя опасности того, что люди будут смешивать свои частные интересы и общественное благо. Он считал добродетель обязательным условием этого типа правления. Облеченные властью исключительно через голосование, правители должны в некотором роде забыть о самих себе и пресечь в себе всякую склонность отправлять властные полномочия в зависимости от личных интересов или в интересах господствующих кругов (богатых, как правило). В действительности эта идея восходит к Платону. В своей радикальной критике демократического типа правления Платон замечает, что режим такого рода предполагает, что политика должна соотносываться с анархией материальных желаний. Что, следовательно, демократия неспособна служить какой бы то ни было истинной Идее, поскольку, если власть в государстве служит желаниям и их исполнению, служит, в конечном итоге, экономике в строгом смысле этого слова, она подчиняется только двум критериям: богатству, которое является наиболее стабильным средством исполнения желаний, и общественному мнению, которое выносит решения относительно объектов желания и степени внутренней силы, с которой надлежит ими завладеть.

116

VII. НЕПОДКУПНЫЙ

Французские революционеры, которые были республиканцами, а не демократами, называли «коррупцией» подчинение государственной власти логике предпринимательства и афер. Сегодня мы настолько убеждены, что главными целями правительства являются экономический рост, уровень жизни, рыночное изобилие, повышение котировок ценных бумаг, приток капиталов и беспрестанное обогащение богатых, что нам даже не понять, что революционеры называли «коррупцией». Они имели в виду не столько то, что тот или иной деятель обогащается, используя свое положение в государстве, сколько общую концепцию, всеобщую убежденность, что обогащение — коллективное или индивидуальное — является естественной целью политики. «Коррупция» — вот что на деле будет сказано в призыве Гизо «Обо-гащайтесь!»^{xiii}.

Но разве сегодня мы имеем что-то другое? Разве сегодня не очевидно, что настроение электората определяется состоянием экономики? Что все разыгрывается на уровне внушения гражданам, что все пойдет лучше, в плане малого и крупного бизнеса, если они проголосуют за вас? Что, следовательно, политика есть не что иное, как пересечение *интересов подданных!*

С этой точки зрения, коррупция не есть какая-то угроза демократии как таковой. Коррупция — это истинная сущность демократии. Коррупцирован или не коррупцирован отдельный политик не

117

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

суть важно: сущностной коррупции демократии это не затрагивает. Вот почему дебаты вокруг Ширака и Жоспена не разрешимы.

С самого начала режимов представительных демократий в Европе Маркс замечал, что правительства, облеченные властью через голосование, суть не что иное, как поверенные Капитала. Но ведь тогда их было гораздо меньше. Демократия является *представительной* прежде всего в силу общей системы, облеченной в ее формы. Иначе говоря: электоральная демократия является представительной лишь потому, что является консенсуальным представлением капитализма, называемого в наши дни «рыночной экономикой». Такова сущностная коррупцированность демократии, так что не зря Маркс, мыслитель-гуманист, философ Просвещения, задумал противопоставить такой демократии переходный режим диктатуры, которую называл «диктатурой пролетариата». Выражение неслабое, но оно проливало свет на перипетии диалектики режима представительства и режима коррупции.

По правде говоря, само определение демократии проблематично. Если считать, как

термидорианцы и их выкоремыши либералы, что демократия заключается в свободной игре интересов определенных групп и отдельных индивидов, то нам не остается ничего другого, как наблюдать, как она погрязает — постепенно или сразу, в зависимости от исторической ситуации, — в безнадежной

118

VII. НЕПОДКУПНЫЙ

коррупции. Но истинная демократия, если уж мы считаем, что нужно сохранить это слово", — это нечто другое. Демократия есть равенство перед лицом Идеи, перед лицом политической Идеи. Например, на протяжении долгого времени, Идеи революционной или коммунистической. Только в силу разрушения этой Идеи «демократия» приравнивается к всеобщей коррупции.

Врагом демократии был деспотизм единственной партии (зло, названное «тоталитаризмом») исключительно в той мере, в какой деспотизм этот знаменовал завершение первого этапа коммунистической Идеи. Единственно верный вопрос в том, как открыть второй этап осуществления этой идеи, в ходе которого игра интересов будет преодолена не бюрократическим терроризмом, а какими-то другими способами. Посредством нового определения, новой практики того, что было названо «диктатурой» (пролетариата).

¹¹ Я выступаю за сохранение позитивного смысла слова «демократия» и против того, чтобы отдать его на откуп капитало-парламентаризму, который всячески его протитует. Я писал об этом в книге «Можно ли мыслить политику? Краткий курс метаполитики» (Русское изд.: М.: «Логос», 2005. — *Прим. пер.*). Говоря в более общем плане, я предпочитаю скорее бороться за репро-приацию слов, имен, понятий, чем идти на создание новых концептов, хотя это тоже бывает необходимо. Вот почему в моем словаре остается — наперекор мрачным событиям минувшего века — прекрасное слово «коммунизм».

119

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

Или нового словоупотребления, что, в общем, то же самое, слова «добродетель».

Пока это не самый очевидный путь. Но благодаря Соркози режим коррупции, в доподлинном ее смысле, то есть предустановленной гармонии личных интересов и общественного блага, не нуждается более в каком бы то ни было прикрытии, более того, стремится выставить себя на всеобщее обозрение. Да, мы уже далеко от Миттерана, который, хотя и был снисходителен к коррупции, каковую считал неизбежной в нашем мире, все равно советовал Бернару Тапи поостеречься, ибо, говорил он, «французы не любят деньги». Саркози смело идет в бой, чтобы мы не только могли, но и должны были «любить деньги», чтобы не считали больше эту любовь постыдной тайной, чтобы побороли наконец свое несчастное сознание экскрементальной природы денежных знаков, каковую блестяще вскрыл Фрейд^{XIV}, показавший также в тексте «Пяти психоанализов» анальный характер случая «человека-с-крысами».

«Что остается вам в такой большой беде», — спрашивает наперсница у Медеи в одноименной трагедии Корнеля. Медея отвечает, и это прекрасно: «Я! Повторяю — "Я" и этого довольно»[^]. Нам должно быть понятно, что у Медеи остается мужество распоряжаться собственным существованием. Предлагаю следующую идею: если «петенизм» обозначает трансценденталь возможного падения нашей страны, логический ин-

120

VII. НЕПОДКУПНЫЙ

вариант ее коррупции, то необходимо, чтобы нам достало мужества не быть петенистами. Это самое узкое определение. Впрочем, это определение восходит к временам движения Сопротивления, по крайней мере, в период до 1944 г. Тогда присоединение к Сопротивлению означало личный выбор — выбор реальной точки,

реального пункта, на котором следовало мужественно стоять во имя сопротивления петенизму. Чтобы присоединиться к Сопротивлению, мало было ненавидеть нацизм и оккупацию. Нужно было иметь мужество возненавидеть петенизм, общенациональную инфекцию, распространившуюся на субъективность всех и каждого.

При этом следует помнить, что петенизм ни коим образом не сводится к руководству, к личностям режима коллаборационизма, существовавшего в период 1940-1944 гг. Как вы могли убедиться по приведенным мной определениям, петенизм есть форма субъективности масс. И если нам будет угодно позитивно определить то, что противится этой форме пассивного заражения, то невозможно будет довольствоваться негативным определением Сопротивления (как сопротивление нацизму и его пособникам-петенистам). Следует прямо — утверждающе — заявить: мужество — мужество Сопротивления — в том, чтобы *твердо стоять на совершенно инородной петенизму точке*. Именно эту максиму я предложил вам в контексте избрания Саркози.

121

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

Чтобы выдержать это напряжение, надлежит недвусмысленно опровергать петенистскую доктрину бедственного события, каковое объявляется причиной нашего декаданса: для Петена это был Народный фронт, для Саркози — Май 68-го. Кто стоит на инородной петенистскому консенсусу точке, должен располагать — в качестве личной аллегории — возможностью публичного обращения к счастливым событиям истории. Важно добиться, чтобы субъективная имманентность была не той, что нам навязывают — агрессивной, полицейской, сумрачной, притязающей заглавить тяжкие последствия бедственного события, но совершенно отличной — утверждающей свою творческую верность счастливым событиям личной или политической жизни. Опустошительной страсти, например, или восстанию чернокожих на Гаити, покончившему в 1793 г. с рабством. Необыкновенному волнению, которое испытываешь от наконец-то понятого блистательного доказательства труднейшей теоремы. Или потрясению от абстрактной картины. Или Маю 68-го, понятное дело. Мне бы очень хотелось, чтобы наш труд именовался «сопротивлением», при том условии, чтобы максимы нашего мужества и событийные эмблемы нашей истории были исключительно жизнеутверждающими.

Следует всячески сторониться тех, чьи свернутые знамена знаменуют декаданс, кто только и может, что постоянно восстанавливать пошат-

122

VII. НЕПОДКУПНЫЙ

нущееся положение. Намерения таких людей сомнительны. Если кто-то действительно хочет встать на сторону творения, утверждения, равноправного коллективного становления, в общем, принять сторону истины, ему следует взывать к тем истинам, которые уже осчастливили нас своим появлением — во всей мощи своей универсальности — в какой-то точке нашей жизни или истории, образуя вневременное сопровождение всех наших нынешних начинаний.

И еще одно: не надо думать, что имитация внешних моделей принесет нам спасение. Знамена, украшенные аллегориями счастливых событий, в наших руках, при этом мы приветствуем все то, что как-то счастливо избегает режима петенистского консенсуса и может обратиться эстафетой общего воодушевления. Одним из самых депрессивных моментов последней избирательной кампании было то, что оба кандидата — Саркози и Руаяль — ссылались на Блэра. В китайском языке есть выражение, которое мне очень нравится, оно употребляется, когда в чем-то нехорошем замешаны двое: «Барсучки-то с одного холма». В конечном счете, Руаяль и Саркози, как и Буш с Блэром, — барсучки с одного холма. Бар-сучки.

В негативном плане довольно будет и этого: не быть заодно с крысами, заодно с бар-сучками.

123

VIII

СЛЕДУЕТ ЛИ ОТКАЗАТЬСЯ ОТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ГИПОТЕЗЫ?

В заключение¹² мне бы хотелось поместить эпизод Саркози, который явно не принадлежит к самым славным страницам истории Франции, в более широкий контекст. Представить вам что-то вроде гегелевской фрески мировой истории последнего времени. Под историей последнего времени я имею в виду, в отличие от журналистов, не триаду Миттеран-Ширак-Саркози, а становление политики освобождения — рабочего и народного — за последние двести лет.

Со времен Французской революции и ее отголосков, прокатившихся по всему миру, со времен

¹² Развитие коммунистической гипотезы намечено в моем семинаре, проходившем 13 июня 2007 г. См. примеч. 1.

124

VIII. СЛЕДУЕТ ЛИ ОТКАЗАТЬСЯ ОТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ГИПОТЕЗЫ?

самых радикальных ее теоретических построений, утверждавших идеи равенства — с робеспьеров-ских декретов о прожиточном максимуме и идей Бабефа^{XVI}, — нам известно (когда я говорю «мы», имеется в виду абстрактное человечество, а знание, о котором говорится, доступно на всечеловеческих путях освобождения), что *коммунизм является верной гипотезой*. По правде говоря, другой просто нет, во всяком случае, я такой не знаю. Кто отказывается от этой гипотезы, немедленно подчиняет себя рыночной экономике, парламентской демократии (приспособленной для капитализма формы правления) и неизбежной «естественности» самого чудовищного неравенства. Но это такое — «коммунизм»? Как показывает Маркс в «Рукописях 1844 г.», коммунизм — это идея, касающаяся судьбы рода человеческого. Этот смысл слова «коммунизм» необходимо жестко отличать от абсолютно устаревшего на сегодня смысла прилагательного «коммунистический», который, в частности, фигурирует в таких выражениях, как «коммунистическая партия» или «коммунистический мир». Не говоря уже о таком выражении, как «коммунистическое государство», которое является оксюморонам: отнюдь не случайно вместо него стали использовать более осторожную и более расплывчатую формулировку «социалистическое государство». Следует признать, однако, что это словоупотребление принадлежит, как мы увидим в дальнейшем, к

125

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

историческому, поэтапному становлению гипотезы.

В родовом смысле прилагательное «коммунистический» означает, как это видно по каноническому тексту «Манифеста коммунистической партии», прежде всего то, что логика классов, основополагающего подчинения рабочих господствующему классу, может быть преодолена. Это негативное определение, согласно которому механизм, действующий в Истории со времен Античности, не является незаменимым. Из чего следует, что олигархическая власть, сосредоточенная в могуществе государств, словом, в руках тех, кто располагает богатствами и организует их циркуляцию, не является неотвратимой. Коммунистическая гипотеза заключается в том, что осуществима другая форма коллективной организации, которая может упразднить неравенство в распределении богатств и даже разделение труда: каждый способен быть «многопрофильным работником», в частности, чередовать ручной и умственный труд, что, впрочем, и так происходит в чередовании городской и загородной жизни. Исчезнет частное присвоение чудовищных богатств и их передача по наследству. Существование милитаристского, полицейского, построенного на принципе принуждения государственного аппарата перестанет казаться самоочевидностью. После краткого периода «диктатуры пролетариата», призванной разрушить остатки старого мира, на-

126

VIII. СЛЕДУЕТ ЛИ ОТКАЗАТЬСЯ ОТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ГИПОТЕЗЫ?

ступит, говорит нам Маркс, который считает это положение своим главным вкладом в философию истории, длительный период исторической реорганизации на базе «свободных ассоциаций» производителей и созидателей, в ходе которого «отомрет» государство.

Слово «коммунизм» обозначает эту совокупность весьма общих умственных построений. Эта совокупность представляет собой горизонт любого начинания, сколь ограниченным бы оно ни было во времени и пространстве, в котором человек, порывая со строем установленных мнений (то есть необходимостью неравенства и государственных инструментов его защиты), вносит свой вклад в политику освобождения. В общем, если говорить в манере Канта, речь идет об Идее, функция которой является регулятивной, а не программной. Абсурдно называть коммунистические принципы (как я их определил) утопией, как это часто происходит. Они представляют собой интеллектуальные схемы, которые все время актуализируются, всякий раз по-разному, и служат для того, чтобы проводить демаркационные линии между различными типами политики. В общем и целом, если мы возьмем определенный исторический эпизод, то он либо совместим с этими принципами, и тогда можно говорить, что он имеет освободительный характер, либо их отвергает, стало быть, является реакционным. «Коммунизм» в этом смысле — нечто вроде эвристической ги-

127

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

потезы, которая часто используется в дискуссиях, при это само слово может и не упоминаться. «Всякий антикоммунист — сволочь», — говорил Сартр, и это правда, поскольку всякий политический эпизод, если судить его по его принципам или отсутствию оных, который формально противоречит коммунистической гипотезе в ее родовом смысле, противоречит самой идее освобождения человечества и, стало быть, собственно человеческой судьбе. Кто не освещает становление человечества светом коммунистической гипотезы (какие бы слова при этом ни употреблялись, ибо слова мало что значат), сводит коллективное становление к животности. Как известно, современное, то есть капиталистическое, имя этой животности — «конкуренция». То есть беспросветная война интересов.

В виде чистой Идеи равенства коммунистическая гипотеза присутствует в человеческой практике с момента зарождения государства. Едва массы начинают противиться государственному принуждению, сразу обнаруживаются рудименты или фрагменты коммунистической гипотезы. Вот почему в небольшой брошюре «Об идеологии», написанной в соавторстве с покойным ныне Франсуа Бальмесом и опубликованной в 1976 г., мы попытались определить «коммунистические инварианты». Народные восстания, например, восстание рабов под руководством Спартака или немецких крестьян под предводительством Томаса Мюнц-

128

VIII. СЛЕДУЕТ ЛИ ОТКАЗАТЬСЯ ОТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ГИПОТЕЗЫ?

ра, являются примерами практического существования коммунистических инвариантов.

Вместе с тем в той форме, которую ей придают мыслители и деятели Французской революции, коммунистическая гипотеза закладывает основы нового времени, модерна, если угодно. В ходе Революции низвергаются умственные, ментальные структуры Старого режима, тем не менее сама гипотеза не согласуется с «демократическими» формами, превращенными буржуазией в орудие завоевание власти. Это крайне важный момент: с самого начала коммунистическая гипотеза не совпадает с гипотезой демократической, каковая вышьется в современный парламентаризм. Она подчиняется другого рода истории, другим событиям. То, что в свете коммунистической гипотезы предстает важным и значительным, инородно тому, что отбирается буржуазно-демократической историографией. Вот почему Маркс, закладывая материалистические

основы первого реального эпизода современной политики освобождения, обращается, с одной стороны, к слову «коммунизм», а с другой стороны, решительно отходит от всякого демократического «политицизма», утверждая, на примере Парижской коммуны, что буржуазное государство должно быть разрушено, сколь бы демократическим оно ни было.

Итак, я вам предлагаю самим рассудить, что важно, а что не важно, оценить эти пункты, все последствия которых ложатся на вас, в свете ком-

129

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

мунистической гипотезы. Повторяю, сама по себе гипотеза хороша, принципам ее можно и должно следовать, каковы ни были их пертурбации в различных исторических контекстах.

В одной из бесед Сартр заявил примерно следующее: «Если коммунистическая гипотеза не верна, если она неосуществима, значит род человеческий ничем не лучше семейства муравьев или термитов». Что он хотел сказать? А то, что, если конкуренция, «свободный рынок», домогательство маленьких радостей и стены, что защищают вас от желаний слабых, являются альфой и омегой всякого существования — коллективного или частного, — то зверье человеческое гроша ломанного не стоит.

Именно к «грошу ломанному» хотят свести существование подавляющего большинства живущих на земле людей наши барсучки — Буш, пропитавшийся духом агрессивного консерватизма и крестовых походов, душка Блэр, мастер по части милитаристской риторики, Саркози, помешавшийся на петенистском лозунге «труд, семья, отечество». А левые и того хуже, у них и гроша за душой нет: в ответ на голое насилие они зовут к долготерпению, какому-то милосердию. Смертельный враг торжествует, празднуют победу гламурные папенькины сынки и дочери, всякие сверхчеловеки от сверхдоходов, взлетевший ввысь герой планетарных биржевых махинаций, а левые славословят тех же самых актеров, при-

130

VIII. СЛЕДУЕТ ЛИ ОТКАЗАТЬСЯ ОТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ГИПОТЕЗЫ?

правляя свои песни «социальной вежливостью», подливая орехового маслица в механизмы угнетения, раздавая обездоленным по крошечке благословленного хлеба: ни дать ни взять «сверхчеловеки» Ницше, точнее сказать, «распоследние люди»^{xvii}.

Раз и навсегда покончить с Маем 68-го значит согласиться, что у нас нет иного выбора кроме наследственного нигилизма финансов и социального благочестия. Тогда следует признать не только то, что коммунизм кончился вместе с Советским союзом, что Французская коммунистическая партия потерпела полный разгром, — тогда придется отказаться от гипотезы, что Май 68-го был политическим начинанием, участники которого точно сознавали крах государственного «коммунизма». Что Май 68-го и последовавшие за ним пять лет открыли новую страницу в истории настоящей коммунистической гипотезы, той, что все держится на расстоянии от государства. Разумеется, мы не знали, куда нас кривая выведет, но точно знали одно: мы возвращали гипотезу к жизни.

То, что именуется именем Саркози, заставляет нас отказаться от самой мысли о подобном возрождении. Если человеческое общество не более, чем коллекция индивидуумов, преследующих свои собственные интересы, если реальность действительно такова, то ясно, что философ может и должен бросить человеческое зверье на произвол его грустной судьбы.

131

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

Но мы не позволим, чтобы торжествующий Саркози диктовал нам смысл существования и задачи философии. Ибо то, чему мы все свидетели, никоим образом не заставит нас отказаться от коммунистической гипотезы, напротив, мы обязаны внимательно рассмотреть настоящий период ее истории.

Итак, нам надлежит набросать своего рода фреску, в которой найдется место нашему почину. В истории коммунистической гипотезы выделяются два больших периода: период ее внедрения, утверждения и период первой попытки ее реализации.

Первый период продолжается от Французской революции до Парижской коммуны, то есть от 1792 г. до 1871 г. Около восьмидесяти лет. Этот период включает в себя разнообразные и совершенно невиданные политические события, происходящие в разных странах. Тем не менее, можно сказать, что в отношении заглавных перипетий период остается по существу французским. Сам Маркс приписывал философские основания периода Германии (гегелевская диалектика), научную

базу — Англии (рождение политэкономии), а реальное политическое содержание — в плане исторической практики — Франции (французское рабочее движение)¹³.

Этот период отличается тем, что в нем под знаком коммунизма осуществляется слияние массового народного движения и тематики взятия власти. Речь именно об организации народного движения в самых различных формах (демонстрации, стачки, восстания, вооруженные выступления и т. п.) вокруг единого тематического полюса — переворота. Этот переворот является со всей очевидностью вооруженным восстанием, которое и называют «революцией». Такого рода революция упраздняет определенную форму социальной жизни (частная собственность, наследство, разделение человечества на нации, разделение труда и т. п.) и устанавливает коммунистическое равенство или то, что рабочие мыслители, чье творчество было прекрасно проанализировано Жаком Рансьером¹⁴, называют «сообществом Равных».

¹³ О функции «французского рабочего движения» в генезисе марксизма, которая параллельна функциям «немецкой философии» и «английской политэкономии», можно прочесть в замечательном тексте В. И. Ленина «Три источника и три составные части марксизма»^{5тм111}.

¹⁴ О генезисе самой фигуры «рабочего», ее идеологической и политической формах, ее трансформациях в поле научной мысли и связанном с ней учении о «сообществе Равных» см. основные труды Жака Рансьера,

Старый режим терпит крах в силу собственной имманентной коррупции, которая дополняется давлением народного движения, при случае вооруженного. Именно в этот момент обнаруживается особенный параметр рабочего движения. Прежние социальные слои революции — бедный городской люд, ремесленники, студенты и интеллектуалы, беднейшие крестьянские массы — встают под знамена рабочего класса, руководящая функция которого способствует их преобразованию, снятию в гегелевском смысле.

Период завершается захватывающим почином и радикальным крахом Парижской коммуны. Коммуна стала высшей формой этого сочетания народного движения, руководящей роли пролетариата и вооруженного восстания. Она явила миру необычайную жизненность этой формулы борьбы: новый тип власти продержался два месяца в крупнейшей европейской столице, изнутри Коммуну поддерживали многочисленные зарубежные революционеры, в частности, поляки, подтвердив, таким образом, марксистскую идею Интернационала. Вместе с тем, Коммуна обнаружила и границы формулы революционной борьбы, ибо ей не удалось ни придать революции общенациональный размах, ни ор-

в частности, такие восхитительные книги, как «Ночь пролетариев» (1981) и «Учитель-невежда» (1987)^{XIX}.

135

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

ганизовать эффективное сопротивление, когда контрреволюция, при молчаливой поддержке иностранных государств, прибегла к эффективному военному аппарату.

Второй период продолжается с 1917 г. (Русская революция) до 1976 г. (завершение культурной революции в Китае, а также прекращение выступлений политических активистов, проходивших в 1966-1976 гг. по всему миру, эпицентром которых — с точки зрения политического новаторства — стал Май 68-го во Франции и его развитие в последующие годы). Второй период длится около пятидесяти лет. Заметим, что от первого его отделяет разрыв примерно такой же длительности (более сорока лет).

Этот второй период архисложен, мы все — наследники его заключительной фазы. Главный вопрос — это вопрос времени. Как удержать победу? Как, в противоположность Парижской коммуне, выстоять перед лицом кровавой реакции собственников и их приспешников? Как организовать новую власть, новое государство, как защитить его от контрреволюции? Главный вопрос Ленина в том, как найти ответы на эти вопросы. Не зря ведь он отплясывал на снегу, когда революционная власть в России продержалась на день больше, чем Парижская коммуна.

В течение этого периода проблема уже не в существовании народного и рабочего движения,

136

IX. ИСТОРИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ГИПОТЕЗЫ...

действующего согласно коммунистической гипотезе, проблема не в родовой идее революции в повстанческой ее форме. Проблема в длительности, продлении победы. Можно сказать, что время теории ушло: больше не надо формулировать гипотезу, надо ее реализовывать. С этой точки зрения общая максима движения формулируется Лениным примерно так: «Мы вступили в период победоносных пролетарских революций». Именно по этой причине две трети XX в. охвачены тем, что я назвал «страстью реального»¹⁵: XX в. должен воплотить в жизнь грезы и опыты XIX в.

Эта одержимость победой и реальным сосредоточилась в проблеме организации и дисциплины, начиная с 1902 г. и книги Ленина «Что делать?» она выливается в теорию и практику централизованной, однородной партии классового типа. Можно сказать, что коммунистические партии с их «железной дисциплиной» воплотили в жизнь реальное содержание коммунистической гипотезы.

В самом деле, с помощью этой конструкции — партии нового типа, — отличающей второй период истории коммунистической гипотезы

¹⁵ «Страсть реального» как типическая форма субъективности XX в. проанализирована в моей книге «Век» (*Badiou A. Le siècle. Paris: Seuil, 2005*).

137

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

зы, был разрешен вопрос, унаследованный от предыдущего периода, в частности, от Парижской коммуны, которая была и его апогеем, и его завершением: вопрос победы. В России, Китае, Чехословакии, Албании, Корее, Вьетнаме и на Кубе произошел полный переворот (собственно революция) социального и политического строя: революция, во главе которой стояли коммунистические партии, одержала верх через восстание или народную войну и удерживала власть в форме того, что было названо «социалистическим государством». После первого периода, который проходил под знаком формулирования коммунистической гипотезы и ее реальности в виде народных движений, имел место второй период, который проходил под знаком дисциплинированной и милитаризированной организации, локальной победы и удержания власти.

Второй период породил свою проблему, и это нормально, и не мог ее разрешить с

помощью тех средств, которые помогли ему разрешить проблему предыдущего периода. В самом деле, партия, которая была подготовлена к революционному захвату власти, к победе над ослабевшими реакционными правительствами, оказалась совершенно непригодной для задачи другого типа — создания государства диктатуры пролетариата в марксовом смысле, то есть государства, которое организует переход к не-государству, к власти не-власти, к диалектической форме отмирания го-

138

IX. ИСТОРИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ГИПОТЕЗЫ...

сударства. Произошло же нечто прямо противоположное: под видом партийного государства была разработана невиданная форма государства авторитарного, даже террористического, во всяком случае, крайне далекого от практической жизни людей. Число реальных достижений этих «социалистических государств» весьма примечательно, особенно в области образования, здравоохранения граждан, повседневной идеологии (формальное возвышение фигуры обычного труженика), охраны правопорядка и т. п. В международном плане им достало духу так напугать империалистические государства, что те вынуждены были осторожничать как во внутренней, так и во внешней политике, о чем мы можем лишь вспоминать в наши дни, когда капитализм, достигший своей высшей стадии, не знает никаких ограничений. Но порочен был сам принцип построения этих государств, которые и оказались, в конце концов, совершенно неэффективными. «Социалистическое» государство не спасло и последовательное полицейское, кровавое насилие, его сгубила внутренняя бюрократическая инертность: потребовалось всего лишь пятьдесят лет, чтобы «реальный социализм» показал, что ему никогда не победить в том жестоком соревновании, которое было навязано ему его противниками.

Последние конвульсии второго периода — культурная революция в Китае и названная

139

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

«Мая 68-го» политическая туманность во Франции — были направлены, по сути, на эту проблему несоответствия партии задачам творческого преобразования коммунистической гипотезы. Максима Мао: «Нет никакого коммунизма, если нет коммунистического движения». Надо во что бы то ни стало окунуть, бросить партию в это движение масс, которое приведет ее к регенерации, дебюрократизации, тогда партия будет действительно преобразовывать реальный мир. Культурная революция¹⁶ была направлена на это испытание, но в скором времени обернулась хаосом и насилием, поскольку образ врага был то ли слишком неопределен, то ли полностью сливался с самой партией, единственной опоры общества. Сам Мао тут ни при чем, он прямо заявил: «Вы не знаете, где буржуазия? Да она внутри партии!». В конечном итоге, после того, как не получили поддержки самые радикальные опыты по децентрализации государства («Шанхайская коммуна», начало 1967 г.), китайцам пришлось в тягчайших условиях реставрировать старый по-

¹⁶ Чтобы составить себе представление о том, что я думаю о китайской Культурной революции и как использую этот политический концепт, можно обратиться к брошюре «Культурная революция: последняя революция?», опубликованной в рамках «Лекций ассоциации "Руж Горж"», которые я организовал и проводил вместе с Наташей Мишель в 2001-2005 гг. См. также примеч. 5.

140

IX. ИСТОРИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ГИПОТЕЗЫ...

рядок. После Мая 68-го¹⁷ во Франции преобладал мотив коллективных действий, направленных на создание новых мест, пространств политики, что шло в разрез с воспроизводством централизованного государственного управления. Главным делом была разработка новых форм организации и деятельности, которые объединяли под знаком единого политического мировидения интеллектуалов и рабочих: важно было

продлить действие коммунистической гипотезы, выведя ее за рамки логики захвата власти. Сегодня, несмотря на то, что этот опыт находит продолжение в каких-то новых формах, приходится констатировать, что где-то с конца 70-х годов в умах людей под видом «демократии» восторжествовала современная форма реакционного государства — капитало-капитализм. Скажем так: на сегодня политические процессы нового типа¹⁸ находятся на той же

¹⁷ О Мае 68-го, если рассматривать его в его подлинной политической сущности, а не как культурный «кризис» молодежи, см. доклад Наташи Мишель «О, Юность! О, Старость», опубликованный в рамках уже упоминавшихся «Лекций ассоциации "Руж Горж"». Наташа Мишель — автор глубоких романов, изобретательной прозы, в которой воссоздается этот опыт: «Европейский Китай» (1975) и «Циркуляр всей моей жизни» (2005).

¹⁸ Среди политических эпизодов, длительных или кратких, в ходе которых действительно велась работа по переутверждению коммунистической гипотезы, то есть такому преобразованию отношений между полити-

141

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

стадии, на которой был Ленин в самом начале XX в. Вопрос прежний — «Что делать?». Он требует предельно точных, основанных на опыте ответов. Контекст тот же самый: противник владеет общей ситуацией, которая медленно, но верно ведет к ускорению субъективных феноменов, что всегда подкрепляется войной.

Напомним, что между первым и вторым периодами, между поздним Марксом и ранним Лениным лежит сорокалетняя фаза победившего империализма. Эпоха, что лежит между подавлением Парижской коммуны и войной 1914 г., была апогеем буржуазии, которая завоевывает всю планету, опустошает и разграбляет целые континенты. Я говорю о периодах коммунистической гипотезы, но эти периоды разделены интервалами, в ко-
кой и государством, которое было направлено против господства капитало-парламентаризма, можно отметить следующие: первые два года португальской революции; самую первую, заводскую, фазу движения «Солидарность» в Польше; начало восстания против Шаха в Иране; создание во Франции «Политической организации»; подъем Запатистской освободительной армии в Мексике. Сегодня следует задуматься об истинной природе связей с народом тех организаций, что ограничены — с точки зрения извлечения из них уроков универсализма — религиозной составляющей: Хезболла в Ливане и Хамас в Палестине. Разумеется, нельзя упускать из виду и многочисленных крестьянских или рабочих выступлений в Китае, действий «маоистов» в Индии и Непале. Перечень, очевидно, неполон.

142

IX. ИСТОРИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ГИПОТЕЗЫ...

торых верх берет то, что, прикрываясь понятиями равновесия и стабилизации, не имеет ничего с коммунистической гипотезой. Напротив, в эти времена утверждается, что гипотеза является бездоказательной, более того, абсурдной и даже преступной, что от нее следует отказаться. Итак, мы снова встретили Николя Саркози: раз и навсегда покончить с Маем 68-го.

Что позволяет нам вернуться к следующему вопросу: а где мы сейчас? Допустим, что на мировом уровне второй период завершился к концу 70-х годов минувшего века. Допустим, что с этого момента, извлекая уроки последних лет этого периода — уроки Мая-68-го и Культурной революции, — различные коллективы, работая в различных ситуациях, ищут возможности политики освобождения, отвечающей нашему времени. То есть мы снова находимся в интервальном периоде — периоде видимой победы противника. Мы можем описать, например, не поддаваясь обескураженности и не идя ни на какие уступки, происходящее сейчас во Франции, то есть повторное появление инкорпорированных в государство форм трансцендентального петенизма. Это не

нелепица, не фальшь какая-то, которая должна нас угнетать. Это локальная конкретизация того общего положения, что мы переживаем интервальный период, наподобие того, о котором говорилось выше, — период апогея буржуазии, который простирается между подавлением Парижской ком-

143

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

муны и войной 1914 г. Посему мы должны понимать, что при такого рода обстоятельствах на повестку дня выходит новая фаза развития коммунистической гипотезы. Проблема в том, чтобы осознать масштаб катастрофы, той войны, что в очередной раз навяжет человечеству беснующийся империализм, противясь продвижению вперед, хотя бы даже на шаг, того, что только и может принести нам спасение: коммунистического эгалитаризма, на сей раз на планетарном уровне.

Мы, кто прошел Май 68-го и Культурную революцию, мы должны передать рассеянным по всему миру сторонникам коммунистической гипотезы твердую уверенность, которая уже внутренне присуща наступившему политическому моменту: то, что грядет, не будет — никоим образом не может быть — продолжением второго периода. Марксизм, рабочее движение, демократия масс, ленинизм, партия пролетариата, социалистическое государство — все эти замечательные достижения XX в. нам больше не помогут. Разумеется, в плане теории к этому опыту можно и должно обращаться. Но в плане политики все это больше ни к чему не пригодно. Вот важнейший пункт, который должен утвердиться в нашем сознании, — второй период коммунистической гипотезы завершен, не надо стараться его продолжать или реставрировать.

Истина, наступление которой очерчивалось еще с 60-х годов прошлого века, в том, что наша

144

IX. ИСТОРИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ГИПОТЕЗЫ...

проблема не в рабочем движении как носителе новой гипотезы, не в пролетарской партии как руководящей силе в реализации этой гипотезы. Стратегическая проблема, связанная с третьим периодом, наступлению которого мы всячески содействуем, совершенно в другом.

Поскольку мы переживаем интервальный период, когда господствует враг, и поскольку сама зона нового политического опыта строго ограничена, я не в состоянии на сегодняшний день сказать вам, в чем сущность наступающего третьего периода. Тем не менее мне представляется, что общая направленность, скажем, абстрактная философия происходящего, может быть высказана: то, о чем речь, касается *нового отношения между реальным политическим двиэ/сением и идеологией*. Что уже подразумевалось в понятии «культурная революция» и словах Мао: «Чтобы навести порядок в организации, следует для начала привести в порядок идеологию». То же самое имелось в виду, когда после Мая 68-го стали говорить о необходимости «революции в умах».

Коммунистическая гипотеза как таковая сохраняет родовой характер, она есть «базис» любой политики, направленной на освобождение человечества, она именуется то, ради чего только и стоит интересоваться политикой и историей. Но проблема в *представлении* гипотезы, вот что определяет наш период — новый способ предъяв-

145

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

ления гипотезы внутри новых форм организации и действия.

Разумеется, повторяю, мы так или иначе накапливаем теоретические и исторические уроки первого периода, благодаря опыту второго осознаем центральное место победоносной дисциплины. Однако наша проблема не в реализации гипотезы на практике, не в дисциплинированном обеспечении ее победоносного шествия на государственном уровне. Наша проблема в том, чтобы определить *план, на котором направляемая гипотезой мысль предстанет в фигурах действия*. В общем и целом: речь о

новом отношении субъективного и объективного. Это отношение не сводится ни к многообразному движению, вдохновляемому сознанием множества (как считает Антонио Негри** и прочие альтерглобалис-ты), ни к обновлению и демократизации партии (как полагают троцкисты и заостеневшие мао-исты). Движение (рабочее) в XIX в. и Партия (коммунистическая) в XX в. были формами материального представления коммунистической гипотезы. Мы не можем вернуться ни к первой, ни ко второй. Где же пружина такого представления для XXI в.?

Заметим, что в XIX в. главным вопросом было просто-напросто *существование* коммунистической гипотезы. Когда Маркс пишет о том, что призрак коммунизма изводит Европу, он хочет сказать: вот вам гипотеза, она есть, наличеству-

146

IX. ИСТОРИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ГИПОТЕЗЫ...

ет. Второй период — период революционной партии, отличающейся железной дисциплиной, милитаризмом классовой войны, идеей социалистического государства, — был, вне всякого сомнения, периодом победного представления гипотезы. Однако это представление сохраняло черты первого периода, в частности, идею полного переворота («мир изменит свои основания»), идею революции как истечения срока. Скажем так: победа мыслилась как победа *первой формы гипотезы*.

Для нас на повестке дня стоит начиная с негативного опыта «социалистических государств» и двусмысленных уроков Культурной революции и Мая 68-го — и именно поэтому наше начинание представляется столь сложным, столь путанным, обреченным следовать методу проб и ошибок — воплощение коммунистической гипотезы в ином плане, нежели план первого периода. Как я сказал, гипотеза остается верной, по крайней мере, другой у меня нет. Если отбросить коммунистическую гипотезу, то в плане коллективного действия вообще нечего делать. Сегодня философу нечего делать в плане исторического и политического становления, если перед ним не открывается горизонт коммунизма, горизонт Идеи. Тогда пусть каждый занимается своими делами, и бросим все это. Признаем правоту «человека-с-крысами», что, впрочем, поспешили сделать некоторые бывшие коммунисты, которые то ли размечтались о доходных местечках, то ли совсем

147

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

утратили мужество. Но если мы стоим на своем, утверждаем Идею, придерживаемся гипотезы, это не значит, что мы хотим сохранить первую форму ее представления, которая была сконцентрирована на собственности и государстве. В самом деле, нам выпала такая задача, скажем даже, сегодня долг философа в том, чтобы содействовать высвобождению *нового плана существования гипотезы*. Нового по типу политического экспериментирования, которому гипотеза может предоставить место. Мы научены вторым периодом и его устремлениями к завершению: нам надлежит вернуться к самим условиям существования коммунистической гипотезы, а не просто стараться усовершенствовать средства ее реализации. Мы не можем довольствоваться диалектическим отношением между государством и движением масс, подготовкой восстания, созданием мощной дисциплинированной организации. Нам надлежит на деле *заново утвердить гипотезу в идеологическом и политическом поле*.

Поддержать коммунистическую гипотезу в локальном, конкретном политическом экспериментировании: именно это экспериментирование — в противовес господству реакции — позволяет нам стоять на своем, удерживать реальную точку, то есть созидать собственную длительность, особенную устойчивость — вот минимальное условие для того, чтобы удержание гипотезы предстало также преобразованием ее очевидности.

148

IX. ИСТОРИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ГИПОТЕЗЫ...

В этом отношении сейчас мы ближе к совокупности уже рассмотренных XIX в.

проблем, чем к грандиозной истории революций века XX-го. Мы имеем дело с тем циничным капитализмом, каким он предстал в 1840 г.: для этого капитализма нет ничего важнее богатства, все бедняки просто лентяи, африканцы отсталые люди, все будущее за «цивилизованной буржуазией» западного мира. Возвращается целый ряд феноменов XIX в.: чрезвычайно обширные зоны крайней нищеты, все возрастающее неравенство, распространяющееся как внутри богатых стран, так и в запущенных или разграбленных регионах, радикальный разрыв между трудовым или безработным людом и так называемым средним классом, рабская угодливость абсолютного большинства интеллектуалов и упорная, но очень жестко ограниченная работа нескольких групп, работающих над поиском современных средств для реализации коммунистической гипотезы... Именно по этой причине речь идет, как и в XIX в., не о победе гипотезы, а об условиях ее существования. Таким был главный вопрос великих революционеров XIX в.: дать жизнь гипотезе. И такова наша с вами задача в этом интервальный период, который нам выпало проживать. Задача не из легких, но крайне увлекательная: посредством сочетания мыслительных построений, которые всегда отличаются общим, универсальным характером, и экспериментальных полити-

149

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

ческий начинаний, которые всегда локальны, конкретны, но легко передаются на опыте, мы должны заново утвердить коммунистическую гипотезу как в человеческих умах, так и в жизненных ситуациях.

150

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ле Пен/Ширак: о президентских выборах в апреле-мае 2002 г.

Вероятно, настал благоприятный момент для того, чтобы критически рассмотреть — сохраняя этнологическую дистанцию — обычай голосования, последнюю священную корову наших уютных и отраднo нигилистических стран. Путь был указан Соединенными Штатами: половина населения, большая часть молодежи и простого народа постепенно перестает соблюдать этот обычай. Растет стихийное неверие по отношению к «демократической» религии и ее главному культу, сочетающему поклонение числу и внутреннему убеждению души («кабина для тайного голосования» — ну и политическая вокабула!). Как мы недавно наблюдали в разных ситуациях, голосование становится все более и более непредсказуемым и иррациональным. То есть требует — наконец-то! — философской критики.

Я ограничусь президентскими выборами во Франции 2002 г., точнее, чередой событий с 21 апреля по 5 мая. Не составляет никакого труда

151

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

вспомнить фактические обстоятельства. По окончании первого тура, Жоспен, кандидат от социалистов, премьер-министр действующего правительства и лидер многих социологических опросов, выходит из борьбы. Во втором туре основным соперником Ширака, действующего президента, положение которого отнюдь не блистательно (он не набрал и 20% голосов избирателей), становится Ле Пен, кандидат от крайне правых. В стране поднимается необыкновенное волнение. После первого тура партии левого толка (социалисты и коммунисты), зеленые и даже революционно-коммунистическая лига (троцкисты) призывают своих избирателей голосовать за заклятого врага Ширака: чтобы не прошел Ле Пен, чтобы «спасти демократию». Юные лицеисты носятся по улицам. 1 мая грандиозная манифестация (свыше 500 000 человек) изъявляет волю сказать «нет!» Ле Пену, не находя для этого иного способа, кроме как сказать «да!» Шираку. 5 мая Ширак побеждает с невероятным преимуществом, напоминающем о фарсе советских выборов. Ле Пен подтверждает свои позиции, эмоции рассеиваются, словно туман.

Метод

Каков может быть философский метод, когда объектом рассмотрения является столь необыкновенный и столь непродолжительный эпизод? Во-

152

ПРИЛОЖЕНИЕ

общее говоря: а заслуживает ли эта перипетия французского парламентаризма философского рассмотрения?

Отвечая на второй вопрос, скажу, что для меня тут важнее всего мощное проявление *общественного аффекта* или, на языке XVIII в., «волнения». Да: то, что Ле Пен прошел во второй тур президентских выборов, вызвало у многих моих сограждан сильнейшее волнение, бессонницу. Но у меня свои счеты с этим волнением. Должен признаться, что я его нисколько не разделял и потому был несказанно поражен тем размахом и тем единодушием, с которыми предавались волнению мои собратья-философы. Последние явно превратились (что им никак не пристало) в подпевал всевозможных «интеллектуалов» и большей части учащейся молодежи. Результаты голосования представлялись мне, конечно же, по-настоящему показательными, ведь они политически подтверждали то, в чем я был убежден и о чем говорил долгие годы: наша страна тяжело больна. Но не усматривая здесь ничего такого, от чего можно было бы утратить хладнокровие, я увидел также, что это хладнокровие многие сочли патологическим, в том числе и те, кого я люблю или ценю. Поскольку волнение было для них антепредикатив-ной очевидностью, я сказал себе, что оно явно заслуживает анализа и предоставляет прекрасный повод задаться еретическим вопросом о смысле голосования и «демократии».

153

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

Вот что я предлагаю в ответ на первый вопрос, фактически в порядке рассуждения :

1. Анализ и наименование общественного аффекта в соотнесенности с его причиной.

2. Критический анализ имен, используемых для того, чтобы сделать аффект легитимным, придать ему политического веса и указать на символический выход из него.

3. Определение того общего пространства, где устанавливается связь между общественным волнением, его причиной и следствиями. Формулировка проблемы, каковая, в конечном счете, является проблемой голосования.

4. Предложение общего принципа решения этой проблемы и радикального смещения ее аксиоматически заданной позиции.

В первом приближении

Причина аффекта заключалась в том, что там, где люди ждали Жоспена, вдруг явился Ле Пен. Остается понять, что это за «там». Щекотливый вопрос о численно распределяемых местах.

Аффект сам подобрал себе имя в том нюансе, что располагается между сознанием угрозы (в данном случае в ход идет регистр страха: «мне стало страшно», «мы очень испугались») и сознанием позора, затмения («мне стыдно», «этого не может быть»). Но где здесь связь с причиной?

154

ПРИЛОЖЕНИЕ

Легитимация аффекта выстраивается вокруг принципа законной защиты: защита демократии и/или Республики. Была ли у этой угрозы реальная почва? Что при этом профанировалось?

Унявший панику символический выход — голосование за Ширака. Откуда исходила предполагаемая сила такого выбора?

Очевидно, что общим пространством, где связь между аффектом («мне страшно», «мне стыдно») и символическим успокоительным средством (победа Ширака), является голосование. Следует вдуматься в эту совершенно поразительную формулу: «Раз там, где

должен был явиться Жоспен, оказался Ле Пен, вместо того, чтобы не пойти на выборы или проголосовать за Жоспена, мне следует проголосовать за Ширака».

Принцип решения проблемы предполагает, что голосование должно быть соотнесено с какой-то иной процедурой. Возникающие вопросы вполне очевидны:

1. Какова реальная почва для того, что для одних голосование — это формализация, а для других — фальсификация. Какова она, если стал возможен переход от лозунга июня 1968 г.: «Выборы — ловушка для идиотов», к другому лозунгу, который можно было прочесть на транспарантах первомайской демонстрации 2002 г.: «Я мыслю, следовательно я голосую».

2. Если предположить, что эта реальная почва включает в себя и Ле Пена, то возможно ли

155

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

какое-то иное к нему отношение, помимо этого более чем странного парада, в который вылилось голосование за Ширака?

Причина и следствие

Для определения причины общественного аффекта достаточно выдвинуть следующее эйдетическое положение: предположим, что Ле Пен получил больше голосов, чем у него оказалась 21 апреля, но Жоспен при этом его опередил. Наверняка не было бы ни эмоций, ни истерик. Аналитики, конечно же, поделились бы своей озабоченностью, что и произошло после второго тура, когда Ле Пен подтвердил свои позиции. Возможно, связь с реальностью была бы прочнее. И наверняка было бы меньше, а то и вообще не случилось бы, всей этой аффективной суеты.

Следовательно, причина аффекта заключается исключительно в том, что Ле Пен оказался на определенном, а именно на втором месте, а вовсе не в числе отдавших за него голоса избирателей. Что же это за место? Это место того, чье участие в «гонке» за властью символически признано. Изумление было вызвано именно его участием в «гонке».

Следует на мгновение задуматься о свойствах мест в списках претендентов. Они проясняют, как обстоит дело с воображаемым равенством кандидатов. Существует одно фундаментальное разли-

156

ПРИЛОЖЕНИЕ

чие — различие между «быть на месте кандидата» и «быть на месте, которое указывает на возможность быть у власти». Возможность оказаться на таком месте определяется совершенно иным способом, согласно совершенно иным критериям, нежели в случае с выдвижением кандидатуры. Нам прекрасно известно, что Ле Пен-кандидат или даже Ле Пен-кандидат с большим числом голосов, не слишком волнует толпу, что, впрочем, достойно сожаления. Совершенно другое дело, когда Ле Пен оказывается на месте, указывающем на возможность быть у власти: такая ситуация вызывает, по меньшей мере, среди определенных слоев населения, невообразимый аффект.

Из чего со всей очевидностью следует: это место заранее прописано. Оно предназначено только для «демократа», подлинного «республиканца». Если здесь окажется тот, кто внушает подозрения, что он не таков, тот кого считают инородным установленному определению места, тогда поднимается волна общественного волнения, что сродни тревоге, охватывающей хранителей храма, когда неверный касается священной реликвии.

Следовательно, неправда, по меньшей мере, в отношении аффекта, массового мнения, что голосование является выражением свободы мнений. В действительности над голосованием все время нависает то, что я буду называть «принципом однородности»: да, кандидатом может быть всякий, но на заранее определенном месте воз-

157

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

можной власти может оказаться только тот, кто соответствует норме. По правде говоря: только тот, о ком заведомо известно, что он не сделает ничего *существенно* отличного от сделанного предшественниками. Принцип однородности на самом деле гарантирует консерватизм голосования, воплощенный в чередовании победителей. Да, ваши «противники» могут сменить вас у кормила власти, но это значит, что вы не предприняли никаких мер против этого. Вот в чем суть этого «гражданского пакта», о котором нам прожужжали все уши: в государственных покоях всегда должно быть наготове ложе для противника. А это значит, что так называемый противник — вовсе не противник, во всяком случае, не до такой степени, чтобы преграждать ему путь сколько-нибудь серьезными мерами. Не зря ведь в 1981 г., когда обсуждалась миттерановская программа национализации, Ален Пейрефитт сказал находившимся у власти социалистам и коммунистам: «Вас избрали не для того, чтобы изменять общество, а для того, чтобы сменить правительство». Как известно, предупреждение дошло до адресата. Начиная с 1983 г. курс правительства Лорана Фабиуса ничем не отличался от добропорядочного реакционного правления.

Предостережем тех, кто после 21 апреля поддался сильным эмоциям. В конечном счете, они выступили в поддержку принципа однородности, ибо просто-напросто расплатились за свое волне-

158

ПРИЛОЖЕНИЕ

ние голосами в пользу Ширака. Разве это голосование не показало, что стоит возникнуть угрозе появления какой-либо инородности, и Ширака не отличишь от Жоспена? Но принцип однородности является глобальным. Если завтра какой-нибудь кандидат, который в приличных районах считается инородным — допустим, наша бравая Арлетт Лагийе, — займет predetermined место, мы испытаем другого рода общественное волнение, и что вы ему противопоставите? Что вы будете делать, когда начнутся многотысячные демонстрации в защиту демократии от угрозы красного тоталитаризма? Вам прекрасно известно: буржуазное общественное мнение способно на самые активные действия. Манифестации 30 мая 1968 г. против студенческих и рабочих волнений или выступления 1982 г. в защиту свободы образования были намного многочисленнее первомайских демонстраций 2002 г. против Ле Пена.

Напрашивается единственный разумный вывод: в решительных политических преобразованиях в какой-либо стране выборы не играют никакой роли, ибо они находятся во власти принципа однородности. Небезынтересно также отметить, что гарантом этого принципа, то есть гарантом того, что все будет продолжаться *как раньше*, на улицах выступает частное, но массовое мнение — как демократическое» (защита свободного экзистенциального уюта), так и непосредственно буржуазное (защита собственности и доходов).

159

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

Инородное?

Ле Пен и был сочтен таким типом, с которым уже не будет *как раньше*. Но почему, собственно? Здесь встает вопрос об инородном, и это сложный философский вопрос. Где та грань, начиная с которой какая-либо сущность может считаться инородной данной совокупности и главным ее предикатам? Если взять сегодняшний французский парламентаризм, со всеми его действующими лицами, со всей его тематикой — в чем, собственно, Ле Пен ему инороден? Не стоит заблуждаться: перед нами настоящая сволочь, тип, подвизавшийся в профашистских группировках 50-х годов, «вышколенный», по его собственным словам, на поприще истязателя в колониальной армии в Алжире. Но эти личностные характеристики не могут, по всей видимости, определять сегодняшней инородности парламентаризму. Разве можно исключить из него Мадлена, начинавшего громилой в пронацистской группировке с красноречивым

названием «Запад»? Что же касается основных форм деятельности в последние десятилетия, то Ле Пен всегда говорил, что просто выставляет свою кандидатуру на выборы. И это в общем правда. Да, Национальный фронт имеет силовую службу. Но такая служба имеется и в Коммунистической партии, и никому из левых даже в голову не придет отказать ей из-за этого в праве участвовать в выборах. И так, можно смело утверждать (и та-

160

ПРИЛОЖЕНИЕ

кова моя точка зрения): из того, что Ле Пен прошел во второй тур президентских выборов, даже не подумав выпустить на улицы своих фашиствующих молодчиков, следует только то, что он совершенно однороден французскому парламентаризму. К тому же во втором туре шесть миллионов французов подтвердили свою поддержку главе Национального фронта, показав тем самым, что он для них самый обычный кандидат, ничем не хуже других.

Но если Ле Пен однороден нашей политической системе, *значит инородны ей должны быть отказавшиеся голосовать, ведь они действительно инородны Ле Пену.* Стыдно должно быть не за отказ голосовать, а за участие в выборах, в которых выбирают Ле Пена! Подобно тому, как в 1968 г. реакция использовала голоса напуганной глухой провинции против революционного подъема, следовало бы выйти на улицы с криками «Выбирать — предавать!» А то и похлестче: «Выборы — отбросы для свиней!».

Ничего подобного не произошло! И значит снова и навязчиво встает вопрос об инородном. И его трудно соотнести с актуальными политическими задачами. Иностранцы? Но разве они действительно волновали кого-нибудь из этой массы напуганных 21 апреля демократов? Разве они волновали кого-нибудь из них на протяжении вот уже многих лет? Разве в ходе наичистейших парламентских выборов левые и правые не сом-

161

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

кнули свои ряды перед лицом «опасности», исходящей со стороны «нелегальных рабочих», повсеместно называемых «подпольщиками»? Случалось ли нам видеть, чтобы эти «антирасисты», бесновавшиеся после первого тура, были действительно озабочены реальной участью сотен тысяч лишенных всяких прав рабочих? Общественная безопасность? Разве не пришлось нам наблюдать, как тысячи демократов-крючкотворов с наслаждением обретают сознание безопасности? Разве не довелось узнать, что масса интеллектуалов-республиканцев, усвоив урок нью-йоркского мэра, призывают к «нулевой терпимости»? Не все ли они радостно восприняли полное исчезновение всякого упоминания о рабочих в политических программах? Не восторжествовала ли повсеместно идея, которую некогда отстаивали лишь крайне правые, что слово «западная» обозначает высшую цивилизацию? И не готовы ли мы во имя этой высшей цивилизации разделаться с «мусульманами» всей нашей планеты? Во всех этих пунктах Ле Пен совершенно однороден господствующей государственной политике. Благодаря чему лидирует в опросах общественного мнения и постоянно мелькает па экранах телевидения, а ведь было время между 1968 и 1980 гг., когда он и ему подобные носы не казали из своих крысиных нор, а если такое и случалось, то десятки тысяч демонстрантов мигом загоняли их обратно.

162

ПРИЛОЖЕНИЕ

Так что же? Скажем, что в общем сознание инородности Ле Пена является чисто идеологическим. Массе демократов отнюдь не чужды ни его политические методы, ни его политические задачи. Просто-напросто он выступает поборником консервативной программы, в которой вместо демократического добрососедства упор делается на национальном архаизме и его историческом воплощении, то есть на Петене. Что такое

Петен? Это такая трусливая убежденность в том, что, стоит закрыть глаза на некоторые жестокости, и можно жить себе почти припеваючи, во всяком случае, избегая любого героического риска. В общем и целом «как раньше». А что такое парламентаризм, как левый, так и правый, такой вторичной нации, как французы? В точности то же самое: немножечко счастья для себя и никаких далеко идущих планов, никаких Идей. Удовлетворенное самоувековечивание. По сути Ле Пен — экстремист от парламентаризма; в этом своем качестве он и внушает стыд избирателям-«демократам»: они с отвращением узнают в нем самих себя, свою сущность, доведенную до какой-то непомерности, выставленную напоказ, а не запрятанную вовнутрь. Вот истинный смысл странного лозунга: «Ле Пен ненавистен!». Значит ли это, что они, те, кто заклеил собственный избирательный кошмар, питают любовь к обездоленным, иностранцам, рабочим, больным африканцам, братству по оружию, энтузиазму политических батальей? Ничуть

163

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

не бывало. Как и пристало умеренным благопо-лучателям, своими объяснениями в любви они лишь прикрывают хроническое насилие, защищающее их от реального мира и анонимного многолюдья. Стоит сказать им в лоб, на чем зиждется их благополучие, чему они потворствуют своим молчанием или ложью, как они сразу начинают вопить, что это ни в какие ворота не лезет, что они сыты всем этим по горло.

Иное, против которого на протяжении двух недель билась жалкая Франция, представляет собой не что иное, как увядшую, выставленную напоказ, откровенную и чрезмерную форму всего того, что эта Франция готова терпеть ради самосохранения. И не ради самопознания, а скорее в честь этой отвратной «самости» и поднялась в людских душах недолгая буря аффекта.

Аффект

Итак, Ле Пен занял место, заведомо предназначенное для другого. Воспоследовавшее общественное волнение можно определить как отчетливое чувство опасности. Нам всем стало «очень страшно». Это чувство опасности послужило поводом для смехотворной и почти необъяснимой выпренности. Пошли слухи, что Ле Пен был уверен в своей победе. Отовсюду летели горячечные e-мейлы, предупреждавшие о том, что фашизм стоит у наших дверей. Всевозможные корпорации

164

ПРИЛОЖЕНИЕ

интеллектуалов единым фронтом подписывались под призывами к «сопротивлению». А ведь это у нас, у тех, кто действительно сопротивлялся, были основания сожалеть, что многие годы не уделялось надлежащего внимания реальным лепе-новским идеям и тому, как они сказываются в политике правительства (вопиющие законы против «нелегальных» рабочих). Никакого или почти никакого «сопротивления». Так откуда же вдруг эта баррикадная лихорадка? Напрашивается правило: чем меньше уделяется внимания грубой неожиданности, тем сильнее поражает она своей бесконечностью. Ничего не желая знать о реальном лепенизме в нормальных условиях и получив удар в спину в ходе избирательной спячки, наши «граждане», как они сами себя не без напыщенности величают, спросонья приготвили к самым невероятным злоключениям.

С другой стороны, было «стыдно за Францию». Что заключал в себе этот стыд? Лично мне уже целые десятилетия стыдно за сменявшие друг друга французские правительства, а в особенности стыдно за тех правителей-лицемеров, которые, называя себя «левыми», «социалистами» или «коммунистами», преследуют «нелегалов» или лизут сапоги американской военщине. Здесь был явно не тот стыд. Мне кажется, что стыдно было из-за того, что сама институция выборов уже давно приобрела сакральный характер, а то обстоятельство, что Ле Пен — этот отвратительный, не

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

укладывающийся ни в какие рамки слепок падшего и потаенного общественного сознания — прошел во второй тур, ложилось на нее грязным пятном. Ведь утверждалось же, что победа Ширака «стирала позорное пятно». То есть возврат к рутинному чередованию кандидатов восстанавливал незапятнанное достоинство фетиша.

Дело еще в том, что для многих интеллектуалов, отмеченных в этом смысле «республиканизмом» в духе Шевенмана, свойственно гиперболическое видение Франции. Она для них «родина прав человека», во что до сих пор веруют и многие иностранцы, пока «эта родина» не вышвыривает их вон. Страна воплощенной демократии. Иные из них после 21 апреля рвали на себе волосы, вспоминая, с каким высокомерием они поучали Австрию Георга Хайдера или Италию Берлускони. Хороши же они были! Все дело в том, что вот уже два века Революция остается нашей дойной коровой. Она открыла нам национальный и интернациональный кредит, и кредит этот многим кажется безграничным. После Петена, но также и после Жоспена (или Ширака: это, как показали выборы, одно и то же), следовало бы понять, что кредит давно исчерпан. Франция эпохи Реставрации, Версальского договора, коллаборационизма, колониальных войн, нынешнего упадка — это отвратительная страна, если не все время, то чаще всего. Спасали лишь всякого рода исключения. Возможно, это справедливо уже в отноше-

ПРИЛОЖЕНИЕ

нии Робеспьера, Сен-Жюста и Кутона, свергнутых заглавной фигурой нашей национальной судьбы: термидорианец, человек, который тушит свой «революционный» пыл и выторговывает себе место под солнцем в стане собственников. Переход от лозунга «Выборы — ловушка для идиотов!» к западно-демократическому фетишизму, а затем к голосованию за Ширака ради «спасения Республики», явно выражает термидорианскую политику лавирования, которая стала куда более «французской», нежели наши обожаемые восстания.

Как бы то ни было, страх или стыд, и страх, и стыд: мы лавируем между слепым преклонением перед голосованием, гиперболическим национальным сознанием и паническим размахиванием кулаками после всякой драки.

Имена

Чтобы аффект обрел легитимность в строе политики, нужны соответствующие имена. А если аффект представляет собой соединение паники и стыда (скрывая, разумеется, самый что ни на есть сильный, консервативный инстинкт — инстинкт самосохранения), важно, чтобы имена эти выполняли двоякую задачу; обозначали какую-то неприкасаемую сущность, заключающую в себе возможность консенсуса для большинства, и немедленно побуждали это большинство к ее защите.

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

Вот эти имена: «демократия» и «республика».

В отношении второго, нашего национального блюда (все тот же 1792 г., любимая дойная корова) скажу, что вот уже давным-давно я спрашиваю себя: а что же оно может значить? Я понимаю силу слова «республика», когда санкюлоты во имя «республики» вешают аристократов на фонарях, идут с оружием в руках защищать ее границы от коалиции европейских монархий или врываются в законодательное собрание, требуя чисток среди умеренных депутатов. А сегодня? Республика кого, Республика чего? Республика ужасающей националистической бойни 1914— 1918 гг.? Или та, что предоставила все полномочия Петену? Республика бесчеловечных колониальных войн? Ги Молле? Миттерана? Тандема Жоспен-Ширак? Или же де Голля? Сказать, что Ле Пен представляет собой «угрозу для Республики», — это все равно что ничего не сказать. Все разговоры о «фашизме» — высокопарная болтовня, пусть даже Ле Пен провел свою

юность среди интеллектуальных отбросов 30-х годов. Кому довелось увидеть по телевизору, как бодренький Джек Ланг, комментируя итоги первого тура, вещал, что «фашизм не пройдет», получил хорошую прививку от употребления слова «республика» в наши дни.

Со словом «демократия» все, очевидно, немного сложнее, хотя бы уже потому, что оно во всем мире употребляется для обозначения так на-

168

ПРИЛОЖЕНИЕ

зываемой «западной» системы, то есть цивилизации, оплотом которой являются американская армия и израильская военщина. Соотносящееся с некоей неприкасаемой сущностью, это слово олицетворяет консенсуальную, соглашательскую субъективность. Именно демократию осквернило присутствие Ле Пена на месте, предназначенном для других претендентов на власть. Все мы читали на стенах лирические оды во славу системы правления, о которой между тем вряд ли кто-либо осмелился бы сказать, что она привела нас к вершинам родового становления человечества. Взять, к примеру, громадное граффити, в котором числа 5 мая кто-то не побоялся, взывая к памяти Элюара и Сопротивления, провозгласить: «Я пишу твое имя, демократия!». Мастеру настенной живописи как-то не пришло в голову написать то, что должно было стать реальным содержанием его преклонения: «Я пишу твое имя, Жак Ширак!».

Следует заметить, что употребление слова «демократия» стало затруднительным из-за того, что оно одновременно обозначает две вещи: то, что порочит и чему угрожает Ле Пен, и то, чего не хватило Жоспену, чтобы оказаться на предназначенном ему месте. В самом деле, вполне очевидно, как и обнаружили, защищая демократию, идолопоклонники вышеозначенного Жоспена, что правление этого «социалиста» свидетельствовало о стойком презрении по отношению к по-

169

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

давляющему большинству людей, живущих и работающих в нашей стране. То есть требовалось смыть постыдное пятно с демократии, сожалея при этом о дефиците демократии в правлении Жоспена, восполнить который мог только Ширак — вот уж подлинный друг народа и всем известный демократ! Можно сказать, что, поддавшись эмоциям, люди совсем потерялись в лабиринте, где понятия «демократия» и «дефицит демократии», болезнь и лекарство, причина и следствие постоянно менялись местами. Лучшим свидетельством этого является необычайное заявление Алена Кривина, руководителя троцкистской революционной лиги: «В воскресенье я голосую за Ширака, а в понедельник созываю демонстрацию, чтобы потребовать его отставки». Вот она ясность мысли, как нельзя лучше подчеркивающая «демократическую» непоколебимость! Между тем выборы-то состоялись, а для демонстрации приходится ждать лучших времен.

Все дело в том, что слово «демократия» имело только одну функцию — узаконить запрет на голосование за слишком инородного — откровенного — кандидата. Это значит: за кандидата, который слишком обнажил бы символические места голосования (первое или второе, в общем, как когда-то на Тур де Франс: Анкетиль или Пули-дор). Вот почему, никоим образом не вдаваясь в реальное политическое содержание, разглагольствуя о «расизме» и «фашизме», что всегда при-

170

ПРИЛОЖЕНИЕ

дает политического веса, поддавшиеся эмоциям люди со всей твердостью потребовали права сказать «Нет!». Обсуждая демонстрации лицеистов, глянецовые журналы, никогда не упускающие случая подзаработать, отдавая должное заслугам молодежи (которая, как давно всем известно, не имеет иных заслуг, кроме заслуг своего времени), бросались заголовками «*Поколение "нет"*». К сожалению, сущность политики, в особенности когда речь идет о вполне реальных опасностях, заключается не в «нет», а в

«да». В критическом рассмотрении различных сторон этого «да». Сущность политики заключается в том, на что мы соглашаемся, или в том, что мы утверждаем. Когда речь идет о Ле Пене, сказать «нет», значит оставить в стороне вопрос о том, а что же такое лепенизм, и каким образом он в действительности распространяется. И воспротивиться его распространению не значит сказать «нет» таким абстракциям, как «расизм» или «ненависть», это значит сказать «да» совершенно определенным и строгим направлениям политики — таким, как нормализация существования всех «нелегальных» рабочих; полная независимость в отношении имперских происков США; организация политического пространства на заводах; немедленная и безвозмездная помощь Африке в борьбе с заразными заболеваниями и в первую очередь со СПИДом...

На деле пресловутое «нет» способствует тому, что мы обходим молчанием все предыдущие ода»,

171

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

соглашательские «да», поспособствовавшие повсеместному распространению лепенизма. Соглашательство в отношении преследований «нелегалов», центров административного задержания перед репатриацией, американских крестовых походов, опустошения жизни рабочих мелкобуржуазной тридцатипятичасовой неделей Обри, миллионов африканских смертей. Соглашательство в отношении того, что во втором туре стало основным лозунгом Ле Пена: «спокойно жить у себя дома», который, можно смело утверждать, в годы Миттерана/Жоспена/Ширака был воплощением соглашательской субъективности подавляющего большинства демократов, впавших 21 апреля в сильные эмоции. И что остается тем постыдным секретом субъективности, который полуимущие граждане наших европейских обществ прячут за «демократической» болтовней; ее негласная формула, под которой они подписываются все как один, сводится к следующему: «комфорт + немножко удовольствия + оставьте меня в покое».

Следует призадуматься, а не живет ли под покровом внушаемого Ле Пенем и его подручными (законного) отвращения совершенно другой страх, еще более потаенный и отвратительный: страх, что однажды придет неведомый, удаленный, доселе безымянный, но многочисленный люд, и спросит по счетам со всех, кто так долго молчаливо соглашался с тем, чтобы их внешнее пре-

172

ПРИЛОЖЕНИЕ

успение, их спокойная жизнь, сколь «свободные», столь и бессмысленные дискуссии, оплачивались полнейшим безразличием к судьбе человечества как такового.

Иначе и не объяснишь, почему обозреватели принялись трубить о лепенизме рабочих и бедняков. В конце концов по-настоящему инороден только тот, кто выдвигает совершенно иную идею политики, например, идею политики эмансипации: такой политики, в которой все решают обычные люди, а не те, кто держат места в государственном аппарате, политики, которой нет дела до выборов. И понятно, что такая политика будет корениться не в кругах журналистов «Либерасьон» или «Монд», а в среде нелегальных рабочих, свободных интеллектуалов, рядовых служащих, чья жизнь трудна и незавидна. Более того: она уже начинает пускать корни. Ее-то и следует отразить этим «нет», которое оправдывается ужасающим Ле Пенем, но счастливым рикошетом бьет по всему, что действительно способно вписать рабочих или обычных людей в политику, по-настоящему инородную той, что над нами господствует.

В силу чего это «нет» — всего лишь символическая, численная, явная форма сущностного «да», посредством которого наш средний класс увековечивает всю гнусность современного политического мира.

Само собой разумеется, что гораздо труднее отказаться от этих «да», изменить то, чему мы го-

173

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

ворим «да», от соглашательства перейти к боевому утверждению, от комфорта — к истине, чем на протяжении полутора недель говорить «нет» той атаке, которой якобы был подвергнут фетиш. Весь этот воинственный тон призван облечь в приятную и недолговечную форму некоего трепета старое доброе соглашательство со всем тем, что уже существует и приносит вполне достаточную выгоду, чтобы даже мысли не было о наступлении чего-то инородного.

Парадоксы голосования

Итак, можно вообразить себя героем, хотя ты просто-напросто консерватор: чем не повод для критического рассмотрения парадоксов голосования.

Например:

1. Голосование — это свободный формализм или даже, как утверждают некоторые, формализм политической свободы, но это также и гражданская обязанность. Известно, что в ряде стран такое положение вещей закреплено юридически. На сей раз, благодаря неистовым диатрибам против всех, кто не явился на выборы, можно было убедиться, что во многом такое положение вещей закреплено в субъективном, моральном плане. (Во многом, заметим по ходу дела, среди интеллектуалов или учащейся молодежи, но не среди основного населения, ведь неявка на парламент-

174

ПРИЛОЖЕНИЕ

ские выборы в июне месяце была еще более впечатляющей. Иначе говоря, «демократия» мало-помалу превращается в малопопулярный ритуал.)

2. Равенство перед лицом числа — таков закон выборов, однако, как мы это уже говорили, важнейшие места предопределены заранее в соответствии с не сводимыми к числу нормами.

3. Приходится констатировать невероятную асимметрию между «да» и «нет». Последствия «нет», то есть устранение кандидата, вполне реальны, тогда как с «да» далеко не все столь очевидно. Каковы, собственно, обязательства избранника? Да нет у него никаких обязательств, особенно в наше время, когда само понятие программы практически дискредитировано. Таким образом, негативная санкция обладает — для избирателя — какой-то реальностью, тогда как позитивная не предполагает никаких реальных последствий, за исключением, как мы уже говорили, сохранения основных параметров текущего существования. По крайней мере, всех тех, которые как-то подвластны избраннику. Это и есть секрет многоопытных политиков: единственный способ оставаться у власти — это ничего не менять.

Что же означал в этих условиях культ голосования, к которому стали призывать после 21 апреля? А то, что голосование является единственной известной политической процедурой, чуть ли не гарантирующей, что все так и останется. За исключением, разумеется, всего того, что может

175

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

быть представлено как действие естественных законов. Например, такие значительные, такие драматические вещи, как окончательное разрушение в последние десятилетия сельской Франции, раздробление государственного сектора, в том числе и образования, либерализация финансовых механизмов, оправдание всего и вся необходимостью подчиняться европейским директивам или потворство американской военщине, — разве за это кто-нибудь когда-нибудь голосовал, разве кто-нибудь, голосуя за ту или иную партию, определенно высказывался за это? Выборы не имеют никакого отношения к этим ключевым проблемам, политики с завидным согласием относят их не к той сфере, где они что-то решают, а к той, что соприродна существующему (говорят «такова жизнь» или «таков современный мир»). С другой стороны, некоторые решения приходится принимать тайно, поскольку они недостаточно консервативны для того, чтобы

снести испытание голосованием (например, поддержка, что оказывалась Францией Ираку в затяжной и кровавой войне с Ираном: по существу она так и не стала достоянием широкой общественности). Иначе говоря: действительно значительные перемены не попадают в пространство голосования. И наоборот: в пространстве голосования находится все то, что по существу не меняется. Зачаровывает именно эта гарантия ничего не решающего решения, именно она вовлекает в процедуру голосования.

176

ПРИЛОЖЕНИЕ

И еще одно: политики, принимающие настоящие решения, я хочу сказать, решения освободительные, совершенно не нуждаются ни в каком голосовании, ведь любое сколько-нибудь освободительное решение делает вас чуждым сфере устоявшихся интересов. И будьте уверены, что представители этой сферы, сколь малочисленны они бы ни были, пустят в ход все пропагандистские инструменты и поднимут самый невероятный шум, чтобы добиться вашей смены на ближайших выборах. Что и будет сделано ко всеобщему удовольствию, ибо голосуем мы не за то, чтобы становиться, а за то, чтобы оставаться.

Для того, чтобы политика была связана с настоящими решениями, которые прочитывались бы как следствие политической воли, а не природы вещей, ей надлежит полагаться на принципы и непосредственно вытекающие из них практики, а не на крайне странное правило, подчиняющее всех и вся числу.

Голосование в принципе противоречит принципам, как противоречит оно всякой идее протеста или освобождения. Расскажу по этому поводу один забавный случай. В ходе того фатального полумесяца, когда «фашист» Ле Пен выступал претендентом на пост президента, студенты Высшей школы прикладных искусств наделали массу демократических транспарантов, ну прямо как их достославные предки в 1968 г., у которых, правда, транспаранты были революционные. Предки

177

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

выходили с лозунгами «Выборы — ловушка для идиотов», потомки: «Выборы — это круто» или еще что-то в этом духе. Как бы то ни было, Гераклит прав: в одну реку дважды не войдешь. И вот вижу на входе в Школу такой плакат: «Не голосуй против всех — иначе не выразишь своего протеста». Подхожу к группе студентов, в окружении которой красуется этот шедевр, спрашиваю: «Не хотите ли вы сказать, что выразите свой протест, голосуя за Ширака?». Соглашаются, что это было бы слишком. «А если за Ле Пена?». Все кричат, что такое никому даже в голову не придет. «Итак, — говорю я, — если нет протеста ни когда голосуешь за Ширака, ни когда голосуешь за Ле Пена, ни когда голосуешь против всех, значит вы хотите сказать и это вам следовало бы написать: «Голосуй, не голосуй, протеста не выразишь». Соглашаются, правда, не без препирательства с тем, что им кажется моим выводом. Но я продолжаю: «А вы вообще-то демократы?». Все смеются: какие могут быть сомнения? «То есть вы полагаете, что голосование представляет собой основополагающий политический акт, что голосовать значит делать выбор в пользу Блага, лучшего будущего?». Все соглашаются, не скрывая самодовольства, а один из них, видя, что я туго соображаю, берется объяснять, что именно это они и имели в виду, рисуя свой плакат. «Но если голосовать — Благо, а в голосовании нет никакого протеста, значит Зло в самом

178

ПРИЛОЖЕНИЕ

протесте? Вы это хотите сказать?» Такое им трудно переварить! Увы, но именно это они и хотели сказать. Таково реальное содержание их волнения. Анархисты XIX в. утверждали: «Голосовать — значит отречься». Сегодня это можно выразить точнее: «Желаешь отречься — иди на выборы».

Число пассивное и число активное

Причина парадоксов голосования общеизвестна: техническая рациональность, которая передоверяет результат чистому счету и составляет предмет бесконечной заботы социологов и политологов — неотличимых в своей озабоченности деталями и числовыми вариациями от специалистов по истории земного климата, — лишь прикрывает массовую иррациональность. Почему вообще число должно обладать каким-то политическим значением? Почему большинство, которое, впрочем, в силу бесконечно хитроумной системы голосования, остается подвластным любым изменениям, имеет все полномочия нормы? Подобной аппроксимации нет места ни в одной из тех областей жизнедеятельности, где ставка делается на человеческую мысль. Как раз наперекор мнению большинства и восторжествовали величайшие создания новаторской науки или новаторского искусства. Как раз наперекор усредненным суждениям и утверждают себя неистовые любовные страсти. Так неужели политика, причем одна по-

179

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

литика, обречена на консерватизм усредненных чисел? Все указывает на обратное. Ибо всякий раз, когда в пространстве политики каждому надлежит принимать от своего имени какое-то основополагающее решение, борцы за истину и справедливость поначалу остаются в меньшинстве, в ничтожном — в избирательном плане — меньшинстве. В 1940 г. в меньшинстве были сторонники сопротивления, в 50-е — противники гнусных колониальных войн, в 60-70-е — «гошисты», сегодня — все те, кто прекрасно видит, как имперские притязания и дух рабства обряжаются в одежды «гуманитарных операций» и «войны против терроризма». И в глубине души всякий знает, что число, большинство — какими они регистрируются в слепых избирательных списках, на выходе из столь мало тайных кабин для голосования — не имеют никакого значения.

Спасение заключается в амбивалентности числа. Ибо надлежит различать пассивное число и активное число: первое фигурирует в избирательных бюллетенях, второе — это число демонстраций, массовых забастовок или даже восстаний.

Активное число, сколь большим бы оно ни было, всегда незначительно в отношении пассивного числа. Нам с гордостью сообщают, что в первомайских демонстрациях 2002 г. участвовало до 500 000 чел, но что значит эта цифра в отношении общего числа избирателей? Или даже в отношении шести миллионов сторонников Ле Пена?

180

ПРИЛОЖЕНИЕ

Активное число приобретает значение только тогда, когда оно выражает могущество коллективной воли, когда последняя, не считаясь со среднестатистическими величинами или мнением большинства, не боится ни риска настоящего политического акта, ни требуемой политической организацией выдержки.

В период между 21 апреля и 5 мая, убедившись, что в пространстве пассивного числа благоденствует чудовище — в действительности, их собственная внутренняя чудовищность — и не задаваясь вопросом, а не таков ли, собственно, закон этого рода числа (ибо, я в этом убежден, политически подозрительна всякая пассивность), «демократы» возжелали утешиться преумножением активного числа. Они «вышли на улицы». Но сила их была ничтожна, провозглашая свою любовь к выборам, они демонстрировали подчинение активного числа пассивному.

Активное число должно быть оторвано от всякой соотнесенности с пассивным. Собрание, демонстрация, восстание заявляют свое право, считаясь только с тем, что имманентно их существованию. Сволочи всегда процветали, пользуясь попустительством, пассивностью, анонимностью и скрытностью числа. Как известно, Гитлер пришел в власти через выборы, а Петен получил полномочия от законно избранного Национального собрания.

1 мая 2002 г. активное число было выставлено как вспомогательное средство

пассивного чис-

181

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

ла, и это указывает на безнадежность состояния умов. Сегодня, впрочем, известно, что эффект от этой демонстрации был просто-напросто нулевым. Выбрали Ширака, «демократы» остались ни с чем. А лицейская поросль забила под одеяла, прямо как те ручейки, что, пожурчав во время ливня, исчезают в иссушенной земле.

Руссо

Руссо немало помучился, проясняя всю затруднительность отношений между числом и политической волей.

Как только заходит речь о назначении депутатов, о «представительской» демократии, он сразу обнаруживает отчетливое неприятие голосования. Его аксиома, являющаяся на деле аксиомой активного числа (демонстрация сводится к своему действию, вне его она ничего собой не представляет, она состоит исключительно из участников, их она и представляет), гласит: «Воля чужда представительству». Вот почему в глазах Руссо английский парламентаризм есть не что иное, как закамуфлированный деспотизм: как только депутаты избраны, пишет он, народ сразу попадает в «рабство», «ничего собой не представляет». Сущность политики, заявляет Руссо, заключается в утверждении представления вопреки представительству.

С другой стороны, утверждается власть числа, поскольку общенародное решение принимается

182

ПРИЛОЖЕНИЕ

большинством голосов. Да, народ собирается, но он голосует и, как говорит Руссо, «большинство принуждает всех остальных». Сохраняется загадочная связь между пассивным суммированием и принятием решения: «Всеобщая воля выводится из подсчета голосов».

Нельзя, наверное, сказать, что Руссо — при всей его доказательности в деталях — удаётся обосновать эту власть числа. Да, он указывает, что отдельно взятые воли взаимоуничтожаемы и посему голосование заключает в себе некую всеобщность воли. Но что может значить — по завершении темной процедуры взаимной нейтрализации отдельных волей (в сущности, интересов) — голос большинства? С чего бы вдруг он стал выражать всеобщую справедливость политической воли?

Точно также Руссо прекрасно понимает несовместимость числа и по-настоящему важных решений. Когда речь идет о «спасении отечества», законно «назначить верховного правителя, который заставит замолчать все законы». Мы знаем, как воспользовались этой очевидностью члены Совета общественного спасения. Как потом скажет Маркс, когда люди пробивают выход к созиданию нового мира, диктатура является самой естественной формой организации политической воли. Что и понятно: к чему еще могут прибегнуть те, у кого ничего нет, кто не имеет под рукой ни репрессивного аппарата, ни пропаган-

183

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

дистской машины? Этот единственный ресурс заключен в численности, правда, *в форме активного и дисциплинированного числа*. Да, дисциплина является единственным по-настоящему народным политическим оружием: дисциплина мысли и действия, которой надлежит подчинить число. Вот почему закон голосования чаще всего чужд народу, ибо голосование подразумевает падение дисциплины в пассивности числа. Что косвенно признает и Руссо, когда говорит о необходимости введения в драматических ситуациях режима единоличного правления, каковой выступает символической материализацией гражданской дисциплины. Что предлагает и Маркс под именем «диктатуры пролетариата».

В конечном счете, и для Руссо, и для Маркса число как атрибут выборов является

адекватной величиной, когда речь идет о спокойном, косном существовании, о пассивной атмосфере подсчета голосов и сохранении однородности. Оно неадекватно, когда дело за тем, чтобы по-настоящему действовать, закладывать основы, когда нам выпадает испытание событием.

Будущее

И это значит, что помпезная формула «Республика спасена», зазвучавшая сразу после того, как был выбран Ширак, ничего не значит. Тут либо и не было никакой опасности, и тогда кричать о

184

1Г

ПРИЛОЖЕНИЕ

спасении просто глупо. Либо она все-таки была, но отразить ее числом проголосовавших за Ширака вряд ли возможно. Раз уж для нашей страны вполне реальна проблема лепенизма (как и вообще проблема крайне правой идеологии для всей Европы), острые атаки следует направлять на падение человеческой сознательности и политическую никчемность, и эта всецело утвердительная атака должна быть свободна от всякой заботы о выборах, будучи в ответе только перед принципами. А принципом принципов современного философа может быть только равенство. И для того, чтобы эта эгалитарная максима находила повсеместное распространение (в семье, на работе, на улице, в городе...), философу следует изобретать пространства и процедуры политической работы, соприродной самой народной массе и возвышающей слово «рабочий». Вот в чем проблема, вот в чем задача. И не приходится сомневаться, что для их решения требуется твердое безразличие ко всякого рода государственным постам и целебное, постоянно поддерживаемое презрение к избирательной кормушке. Требуется нескрываемое и безмятежное чувство превосходства активного числа над пассивным числом. Требуется тот воск, которым воспользовался Улисс, чтобы не уступить ни песням, ни сиренам, ни шантажу «демократии». Требуются новые маршруты, ибо ключ такого рода изобретательства в том, что в 70-е годы называли «связь с массами», а что значит: делать

----- 185 -----

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

политику вместе с теми, для кого она в первую очередь и существует, для кого только лишь эгалитарная максима способна вписать существование в его истину.

В сущности, речь о том, чтобы обнаружить новые пространства всеобщей воли. Руссо верно сказал: «Отдельная воля, в силу своей природы, тянется к предпочтениям, всеобщая — к равенству». И чтобы заявить — пусть даже в каком-то единственном пункте — о возвращении всеобщей воли, придется пожертвовать массой предпочтений. Чему и может подействовать философия. Потому как в самом всеобщем своем замысле она учит, что предпочтениям можно предпочесть всеобщность истины. Вот когда наступает счастье — в довершение всего.

186

Примечания переводчика

Учитывая памфлетный характер всей серии «Обстоятельств», мы ограничиваем примечания отсылками к упоминаемым книгам, историческим лицам и культурным реалиям, которые по мере необходимости разворачиваются в цитатах.

¹ *Альтюссер Л. Ленин и философия / Пер. с франц. Н. Кулиш. Послесловие В. Софронова. М., 2005.*

ⁱⁱ *«Шеф Полиции. <...> Месье, я доверяю вашему здравому смыслу и вашей преданности. Кроме того, я хочу вести борьбу посредством смелых идей тоже. Итак: мне посоветовали показаться в форме гигантского фаллоса, размером в человеческий рост. (Три Фигуры и Королева ошеломлены.)*

Королева. Жорж! Ты?

Шеф Полиции. Если я должен символизировать нацию, твой бордель...

Посланник (Королеве). Оставьте, мадам. Это дух эпохи.
Судья. Фаллос? Размером? Вы хотите сказать: громадный.
Шеф Полиции. В мой рост.

Судья. Но это очень сложно осуществить.

Посланник. Не так сложно. Новые технологии, наша каучуковая индустрия делает прекрасные разра-

187

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

ботки. Нет, меня беспокоит не это, а другое... (*Поворачиваясь к Епископу*.) ...Что об этом думает Церковь?

Епископ (поразмыслив, пожимает плечами). Сегодня вечером не может быть вынесено окончательное решение. Разумеется, идея дерзкая, (*Шефу Полиции*.) но если ваше положение столь отчаянно, мы должны изучить вопрос. Так как это будет опасное изображение, и если вы должны придать себе эту форму, потомки...

Шеф Полиции (мягко). Вы хотите видеть макет?» (*Жене Ж.* Балкон / Пер. с франц. Л. Долининой и О. Абрамович // *Театр Жана Жене*. СПб., 2001. С. 170). ^{III} *Делез Ж.* Переговоры. 1972-1990 / Пер. с франц. и вступ. ст. В. Ю. Быстрова. СПб., 2004.

^{IV} *Деррида Ж.* Разбойники / Пер. с франц. Д. Калугина под ред. А. Магуна // *НЛО*. 2005. № 72.

^V «Новые философы» — разнородная группа французских буржуазных философов, выступивших в 70-е гг. с отрицанием всякой философии, культуры, основанной на «разуме». По существу, основные идеи группы (А. Глюксмап, Б.-А. Леви, Д.-П. Долле, Г. Лядро, К. Жам-бе, М. Клавель и др.) — перепев положений, выдвинутых в свое время Шопенгауэром и Ницше. «Новые философы» — бывшие активисты студенческих волнений 60-х гг., выступившие затем против революционной теории и реального социализма (*Философский словарь* / Под ред. И.Т.Фролова. 4-е изд. М., 1981. С. 345).

^M «Голубая палата» — реакционная палата депутатов во Франции, избранная в 1919 г., названная так по цвету офицерских шинелей.

^{III} «Человек-с-крысами» — классический случай психоанализа, описанный З. Фрейдом в 1909 г. См.: *Фрейд З.* Собр. Соч.: в 26 тт. Т. 4: Навязчивые состояния. Человек-крыса. Человек-волк. СПб., 2007.

^{VI} *Деррида Ж.* Призраки Маркса / Пер. с франц. Б. Скуратова под ред. Д. Новикова М., 2006.

188

Примечания переводчика

^{IX} Конт (Comte) Огюст (1798-1857), французский философ, один из основоположников позитивизма и социологии.

^X *Платон*. Государство. Законы. Политик. М., 1998. С. 352.

^{XI} *Платон*. Лахет, 190е // *Платон*. Диалоги. М., 1986. С. 236.

^{XII} *Лаку-Лабарт Ф., Нанси Ж.-Л.* Нацистский миф / Пер. с франц., прим. и послесловие С. Л. Фокина. СПб., 2002.

^{XIII} Гизо, Франсуа Пьер Гийом (4.10.1787, Ним,— 12.09.1874, Валь-Рише) — французский государственный деятель, историк. Член Академии моральных и политических наук (1832), член Французской академии (1836). Занимал посты министра внутренних дел (август-ноябрь 1830), народного просвещения (1832-1836, 1836-1837), иностранных дел (1840-1848), премьер-министра (1847-1848). С 1840 г. фактически руководил всей политикой Июльской монархии.

^{XIV} См., например, статью «Характер и анальный эротизм» (1908), где, в частности, уравнивается значения испражнений и денег (подарков), обнаруживаемых и в невротизме, и во многих мифах, суевериях, сновидениях и сказках.

^W *Корнель П.* Избранные трагедии. М., 1956. С. 287.

^{XVI} Бабёф (Babeuf) Гракх (наст. имя Франсуа Ноэль) (1760-1797) — французский

коммунист-утопист. При Директории один из руководителей движения «Во имя равенства»; возглавил в 1796 г. Тайную повстанческую директорию, готовившую восстание. Казнен.

^{xv} «Вслед за высшими людьми на сцену нигилизма выходит *последний человек* — тот, кто говорит, что всё суета сует и уж лучше погаснуть в бездействии!» (*Де-лез Ж. Ницше* / Пер. с франц., послесловие, прим. С. Л. Фокина. СПб., 2001. С. 41).

189

à

Ален Бадью. Обстоятельства, 4

^{xviii} Статья «Три источника и три составных части марксизма» была написана В. И. Лениным к 30-летию со дня смерти Карла Маркса и опубликована в журнале «Просвещение» (№ 3 за 1913 г.).

^{xix} *Лапицкий В.* Путешествие на край политики // *Рансьер Ж.* Эстетическое бессознательное / Сост. и пер. с франц. В. Е. Лапицкого. СПб., 2004.

^{xx} *Хардген М., Негри А.* Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М., 2006.

190

СОДЕРЖАНИЕ

I. ДО ВЫБОРОВ	5
II. ПОСЛЕ ВЫБОРОВ	25
III. ВОСЕМЬ ПУНКТОВ, НАЧАЛО.....	55
IV. ВОСЬМОЙ ПУНКТ.....	68
V. ПРИ ТАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, МУЖЕСТВО.....	92
VI. «ПЕТЕНИЗМ»	
КАК ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬ ФРАНЦИИ.....	100
VII НЕПОДКУПНЫЙ.....	из
VIII. СЛЕДУЕТ ЛИ ОТКАЗАТЬСЯ ОТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ГИПОТЕЗЫ?...	

124

IX. ИСТОРИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ГИПОТЕЗЫ И ЕЕ НАСТОЯЩИЙ МОМЕНТ.....	133
---	-----

Приложение

Ле Пен/Ширак: о президентских выборах
в апреле-мае 2002 г.....

151

Примечания переводчика.....

187

Ален Бадью

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, 4: Что именуется именем Саркози?

Выпускающий редактор *В. Л. Селиверстов*

Корректор *Е. В. Берзина* Макет и оформление *Ю. Н. Дрюкова*

Подписано в печать 04.04.2008. Формат 70 x 90 7₃₂. Печать офсетная. Бумага

офсетная. Усл. печ. л. 7,02. Тираж 1000 экз. Заказ 2 OS.

Общество с ограниченной ответственностью

«Академия Исследования Культуры»

ООО «АИК»

197376, Санкт-Петербург,

ул. Чапыгина, дом 6, лит А, пом. 3-Н

<http://www.arculture.ru>

(812) 325-31-76

Отдел реализации:

С.-Петербург, 6-я линия В. О., д. 11/21, к. 21

Тел.: 328-77-63, 325-31-76

E-mail: post@unipress.ru

Типография Издательства СПбГУ. 199061, С.-Петербург, Средний пр., 41

I